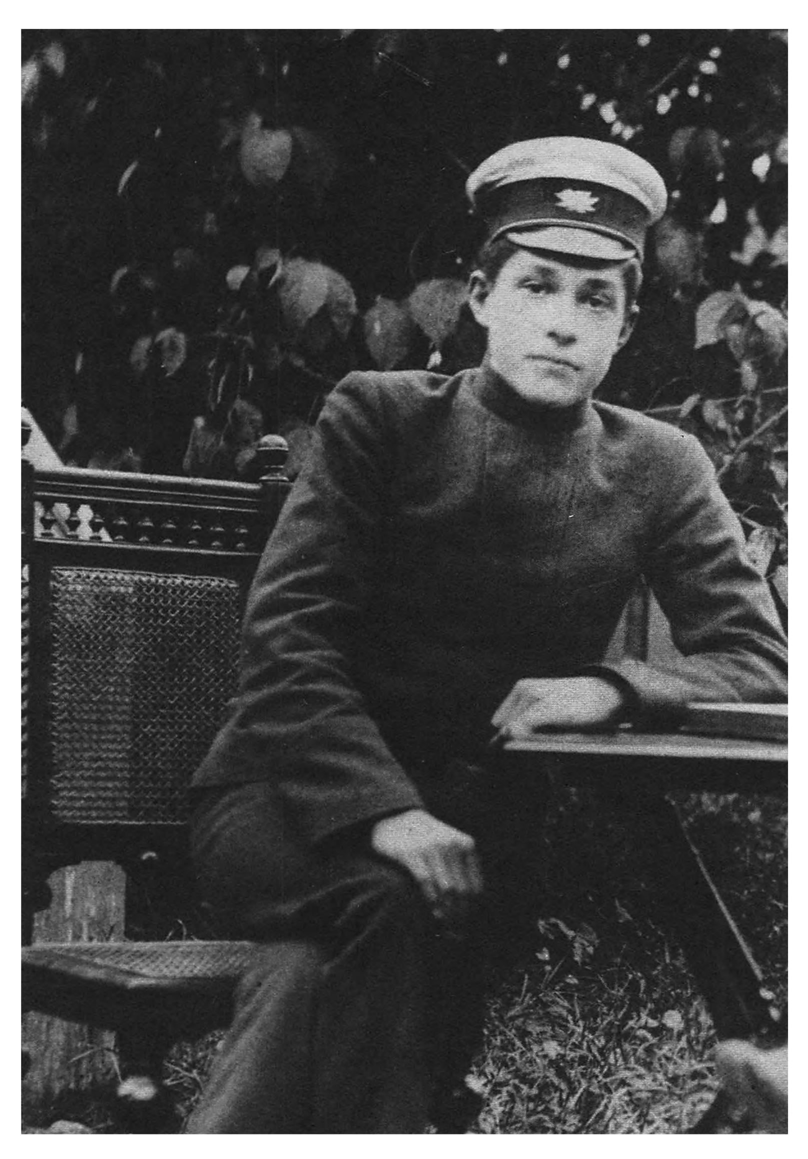
А. А. Лодыженский

ВОСПОМИНАНИЯ

А.А. Лодыженский, Воспоминания

А. А. Лодыженский – студент Императорского Училища Правоведения

А. А. Лодыженский

ВОСПОМИНАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

На языках почти всех народов мира существует много серьезных исторических трудов, в которых подробно описываются и обстоятельно анализируются события в России, приведшие к февральской революции, а затем к большевитскому перевороту 1917 года. Эти труды дополняются обширной мемуарной литературой, написанной очевидцами и непосредственными участниками Российской трагедии. И тем не менее, каждый новый труд, каждое вновь публикуемое воспоминание о происшедшем в России в начале века, обогащают и расширяют историческую картину, освежают краски, которыми она написана, блекнущие к сожалению в сознании людей новых поколений.

Предлагаемые русскому читателю воспоминания А.А.Лодыженского ценны как свидетельство очевидца развития предреволюционных и революционных событий в России, наблюдавшего их из редкостной перспективы – из Ставки Верховного Главнокомандующего Российской Армии, к Штабу которой он принадлежал в судьбоносные годы первой мировой войны. В воспоминаниях А.А.Лодыженского нет сенсационных откровений или сообщений, могущих в той или иной мере изменить хорошо известные и выверенные данные о причинах и движущих силах революционных событий в России. Но в этих воспоминаниях читатель найдет личные суждения очевидца, бросающие особый свет на уже известные факты.

В конце 60-х годов в закабаленной коммунизмом России появилось много признаков, развивающегося подспудно процесса возрождения русского национального самосознания. Одним из таких признаков является стремление третьего и четвертого послереволюционных поколений русского народа к духовному возврату к моральным, общественным, даже политическим ценностям, которые коммунистические властители страны всеми силами стремились уничтожить.

Ярким свидетельством тому служит, присланное в 1983 году на Запад, открытое письмо 22-летнего москвича, адресованное - как он пишет - „Участникам Белогвардейского Движения". Молодой человек из Москвы, обращаясь к немногим, еще оставшимся в живых, участникам Белого Движения, пишет: „Долгие десятилетия советской пропаганды не сумели вычеркнуть вас из народной памяти... молодежь в России видит в вас рыцарей без страха и упрека и считает, что вы боролись не зря... Правда, честь и Россия - были на вашей стороне. Мы жалеем, что вы не победили. Мы не упрекаем вас. Вероятно, вы сделали все, что могли. Мы благодарны вам за это..."

А.А.Лодыженский был одним из активнейших участников Белого Движения с первых дней его возникновения и до эвакуации Крыма. И хотя в своих воспоминаниях он лишь вскользь упоминает о своей деятельности в этом движении, его воспоминания, если они попадут в руки русских молодых людей, ищущих возврата к уничтоженным коммунистами ценностям, послужат укреплению их уверенности в том, что „правда, честь и Россия" были на стороне тех, в рядах которых шел и боролся А.А.Лодыженский.

Русские книги, издающиеся на Западе различными путями попадают в Россию, где их жадно читают. Попадет туда и книга А.А.Лодыженского.

*

Вскоре после окончания второй мировой войны я случайно повстречался на одной из станций парижского метрополитена с офицером Советской армии, внимательно рассматривавшим карту Парижа, старавшимся определить нужное ему направление. Я помог ему, и мы разговорились. Чтобы продлить беседу, зашли в кафе. В разговоре офицер задал мне вопрос, как могло случиться, что, казалось непоколебимая, Великая Российская Империя, внезапно обрушилась под натиском сравнительно небольшой группы антинациональных элементов, да еще во время войны перед лицом врага, когда, казалось, все силы страны должны были быть направлены к единой цели, победе над внешним врагом, и это падение не встретило серьезного противодействия со стороны культурного слоя русского народа, который должен был понимать чем грозила России эта катастофа.

— Нам в Советском Союзе голову морочат советской пропагандой. В советской литературе не найти правды. А нам интересно было бы услышать правдивое слово, — говорил он.

Мне было очень лестно, что незнакомый советский офицер обратился к русскому эмигранту за объяснением. Но ответить коротко, в двух словах, на заданный вопрос, удовлетворить естественное желание собеседника узнать правду о революционных событиях на нашей общей родине, в мимолетном разговоре я не мог. Поэтому и решил я записать мои воспоминания с тем, чтобы поделиться ими с людьми, лишенными возможности узнать правду, и попытаться дать ответ на вопрос, сходный с тем, какой мне задал встреченный в парижском метро советский офицер.

*

Сейчас имеется большая мемуарная литература с последовательным изложением событий предреволюционного и революционного времени с разных точек зрения. Но зачастую в этой литературе лишь поверхностно освещается истинное положение вещей. Эта литература недостаточно объясняет, как люди, принадлежавшие к революционным партиям, могли достичь потрясающих результатов в деле разрушения Великой Империи и уничтожения, казалось, незыблемого государственного строя. Я имею в виду, в данном случае, не идеологическую сторону вопроса, которая по большей части во всех революционных движениях служит лишь средством для возбуждения умов. Я обращаю внимание на сторону чисто „механическую", на подготовку и осуществление революционного взрыва.

В России всегда подвизались элементы, критиковавшие, по свойству русского характера, существовавшие порядки, действия правительства и даже верховную власть. В свое время эта критика была принципиальной, по долгу свободомыслия, и допускалась властями, вопреки установившемуся заграницей мнению, что в России якобы правил полицейский режим. Если говорить о российском „полицейском режиме", то в сущности он был детской игрушкой по сравнению с теми режимами, какие практикуются в некоторых западных демократиях, не говоря уже о советском, действительно полицейском, режиме.

Критика эта сопровождалась пожеланиями и требованиями, обращенными к правительству и даже к Государю, коренного изменения нашего государственного устройства и принятия, по примеру французской республики или английской ограниченной монархии, конституции, неприменимой в условиях тогдашней российской действительности.

Нельзя отрицать того, что в России были больные вопросы, явно требовавшие своего разрешения. Вопрос

аграрный стоял на первом месте. Чтобы понять сущность этого вопроса необходимо обратить внимание на историю его возникновения и развития.

В прошлом году исполнилось сто лет со дня великой реформы освобождения русского крестьянства от крепостной зависимости, задуманной и проведенной Государем Императором Александром II. Освобождение крестьян от крепостной зависимости было высокогуманным актом, так как нельзя себе представить, чтобы в культурных условиях прошлого века один русский человек мог владеть другим русским как личной собственностью, мог угнетать подвластных ему людей. Но нельзя не пожалеть, что проведение этого акта в жизнь отличалось множеством недостатков, которые имели самые роковые последствия как для крестьян, так и для крупных землевладельцев, вели к разорению и тех и других. Действительное освобождение крестьян имело место не в 1861 году, а значительно позже. Оно произошло в результате проведения земельной реформы во время царствования Императора Николая II.

Что представляла собой крестьянская крепостная зависимость до 1861 года?

Вся земля на Руси, там где эта зависимость существовала, принадлежала помещику, который наделял своих крестьян землей, удобной для хлебопашества. В среднем на двор приходилось 17 десятин*. Помещик обязан был предоставлять крестьянам луга для выпаса скота, лес для построек и помогать в случае неурожая, пожара, падежа скота и вообще наблюдать за спокойствием и порядком в сельской общине. За все это крестьяне были обязаны работать на помещика 2—4 дня в неделю или платить деньгами оброк. Как правило, помещик не вмешивался в крестьянское хозяйство и сельское общество в своей внутренней жизни управлялось своей общиной, существовавшей на выборных началах. Основанная на земельной собственности поме-

---

* Десятина = 1,0925 гектара.

щика зависимость крестьян носила одновременно и характер зависимости личной, ибо крестьянин и члены его семьи были частной собственностью помещика.

Я не буду касаться причин, ошибок совершенных лицами, коим были поручены подготовка и проведение закона об освобождении крестьян в жизнь. Их было много. Тут и поспешность проведения реформы, и давление, оказанное с разных сторон на людей, ее осуществлявших. Но совершенно неоспорим факт, что акт величайшей мудрости и гуманности Императора Александра II обратился против крестьянства и против разорявшихся помещиков.

Прожив много времени в деревне, занимаясь сельским хозяйством и будучи земским гласным, я мог близко наблюдать крестьянскую жизнь и, по-моему, эти ошибки сводились к следующему:

Прикрепление крестьян после их освобождения с их потомством и землей к сельской общине навечно;

Ограничение отведенной сельским общинам земельной площади;

Неудачная выкупная операция;

Круговая порука в рамках общины;

Запрещение выхода из общины;

Запрещение отчуждения крестьянских наделов.

В силу „Особого Положения о крестьянах", которое сопровождало „Указ об Освобождении крестьян", создалась особая каста российских граждан, лишенная общегражданских прав. Она имела свой суд, свою администрацию и подчинялась особым законам. Каста эта была прикреплена к сельской общине и управлялась мировым сходом. Выход из сельской общины был запрещен, а вместе с тем, сельская община, к которой был прикреплен освобожденный крестьянин, была лишена тех экономических преимуществ, которыми она пользовалась при крепостном праве. Преимущества были такие: наделение нарождавшегося крестьянского потомства дополнительными полевыми участками, нарезаемыми из помещичьей земли, пользование помещичьими выпасами

для скота, обязательная помощь со стороны помещика в случае стихийного бедствия. После реформы, кроме всего прочего, за площадь общинной земли, которую крестьянин считал своей, ему приходилось платить выкупную денежную сумму.

Община превратилась не в союз свободных в своей хозяйственной деятельности людей, а в могилу частного предпринимательства. Крестьянин оказался лишенным всяких личных прав на землю и зависел всецело от общины, которая принуждала — „хозяйничай как все!" Крестьянин оказался лишенным права возводить на своей земле постройки, того права, которое он имел при помещике. Фактически земля принадлежала не ему, а обществу и могла быть подвергнута переделу. С выходом из крестьянского сословия, крестьянин терял права на землю, притом безвозмездно. Во время крепостного права крестьянин волен был выделить свою землю из общинной, уйти на оброк или строить. Образовавшаяся чересполосица в общинном поле обязывала крестьян к одновременному производству полевых работ. В улучшении своих участков из-за угрозы переделов крестьяне заинтересованы не были. Кроме всего этого, при наделении землей согласно „Положению" была принята во внимание не хозяйственная десятина, т. е. 3600 кв. сажень, а казенная в 2400 кв. сажень, в связи с чем крестьянский надел значительно уменьшался.

Земля, предоставленная крестьянам согласно „Положению" была дана не даром, за нее приходилось платить. Выкупали же крестьяне не свою землю, а общинную, которая могла от них уйти. Когда община не могла выплачивать долг помещику, его выплачивала казна особыми выкупными свидетельствами в размере 1/5 действительной стоимости. Долг общины казне возрастал и вырос к 1900 году до 18 миллионов рублей. Правда, по повелению Государя этот долг был аннулирован и вся операция по выкупу была прекращена.

Все денежные обязательства общины были обеспечены круговой порукой, т. е. работящие крестьяне долж-

ны были платить за пьяниц и лентяев. Выход из сельской общины был обставлен величайшими трудностями. Даже для временных отлучек нужен был паспорт, который выдавала община. Сельское начальство ввиду путаницы в расчетах по круговой поруке ставило всяческие препятствия для этого. Община стала выжимать деньги из отпускаемых под угрозой невыдачи паспорта.

При такой системе крестьянского сельского хозяйства деревня быстро беднела, земля постепенно истощалась, земельные наделы в связи с приростом населения становились меньше. Соседних земель для прирезки больше не было, а между тем в 1908 году пространственно Россия могла вместить все население земного шара и в этом случае на каждого жителя пришлось бы 1—1,3 десятины пригодной для обработки земли — примерно как в Австрии.

Возникшей беде могло помочь переселение и более правильное расселение крестьян на удобных для земледелия землях, т. н. целинных, изгнание из общин пьяниц и лентяев, плохо обрабатывающих свою землю и уничтожение общинного способа обработки полей, т. е. передача наделов в полную личную крестьянскую собственность с уничтожением чересполосицы и предоставлением земельного надела в одном куске и, наконец, оказанием крестьянам широкой агрономической помощи. Министерство земледелия должно было бы при помощи агрономов научить крестьян правильному использованию земельного богатства с переходом от трехпольного хозяйства к многопольному, при котором треть земли каждый год не пустовала бы.

В условиях такого печального положения вещей в российском сельском хозяйстве, началась война с Японией. Учинители беспорядков использовали наши военные неудачи и неполадки в деревне в своей пропаганде, натравливая крестьян на помещиков. Произошли погромы помещичьих усадеб и крупные волнения на очень большой площади империи и если бы не твердость правительственной власти, вероятно, приход большевиков

был бы значительно ускорен. Крестьяне жгли усадьбы, грабили веками накопленные богатства, забастовки парализовали хозяйственную жизнь страны. В Государственную Думу, избранную в этих условиях, вошли демагоги, еще более усилившие возбуждение умов. Тогда по воле Государя министром внутренних дел был назначен П. А. Столыпин.

Столыпин до своего назначения был Саратовским губернатором, как раз в том районе, где разыгрались аграрные беспорядки. Хотя он принимал самые решительные меры для их прекращения, Столыпин отлично понимал, что одними административными мерами успокоить население невозможно. Надо произвести коренные реформы в области крестьянского хозяйства, которые могли бы дать возможность крестьянской семье прилично кормиться, создать достаток, чему мешала крестьянская община. На это он и обратил свое внимание.

Революционная пропаганда была направлена главным образом против помещиков. Она утверждала, что если крестьяне получат помещичью землю, немедленно наступит крестьянский рай и благоденствие. При этом агитаторы оперировали фальшивой статистикой. На самом же деле, если бы разделить всю помещичью землю, еще не находившуюся в крестьянском пользовании, и прибавить к этому земли казенные, удельные и прочие, то увеличение крестьянского надела выразилось бы в среднем в полторы десятины на крестьянское хозяйство.

Когда Столыпин возглавил министерство внутренних дел и приступил к составлению проектов аграрной реформы он с первых шагов встретил сильное сопротивление и справа и слева. Правые не хотели расстаться с общиной, ибо видели в ней историческую форму крестьянского быта. Левые ненавидели Столыпина за его желание поднять деревенское благосостояние и таким образом ликвидировать почву, на которой развивалось революционное движение.

Первым шагом Столыпина в земельном вопросе было учреждение землеустроительных комиссий на местах, в то время когда в Государственной Думе различные левые партии разрабатывали отвлеченные и беспочвенные проекты об отчуждении помещичьей земли при сохранении общины. Мера Столыпина сразу поставила земельный вопрос на реальную почву. В землеустроительных комиссиях должны были заседать, совместно с правительственными чиновниками, представители с мест, знавшие местные условия и нужды.

Учрежденные в Европейской России указом 4 марта 1906 года Землеустроительные Комиссии должны были содействовать крестьянам при покупке помещичьей земли через Крестьянский Банк путем предоставления ссуд на полную стоимость покупаемой земли, содействовать при покупке 8 миллионов десятин казенной земли, организовать переселение крестьян (до 400.000 человек в год), наладить агрономическую помощь для улучшения землепользования.

Далее в порядке указа был издан закон от 8 ноября 1906 года. Для принятия этого закона потребовалось распустить Думу на три дня, так как она не хотела принять закон. По этому Указу каждый крестьянин, имевший землю в общине, мог предъявить требование о закреплении этой земли за ним в личную собственность отдельным клином с уничтожением чересполосицы. При отказе сельской общины выделить требуемую землю, дело разбиралось в суде.

Наконец, через четыре года, 14 июня 1910 года был утвержден закон о землеустройстве, а в 1911 году окончательный закон о поземельном устройстве: „Положение о Землеустройстве". По этому закону упрощался весь процесс землеустройства, ибо согласно ему любой мелкий земельный собственник или вся деревня целиком могли выйти из общины и закрепить за собой землю в собственность в порядке отруба, хутора или выселка. По всей России закипела работа по новому землеустройству, которой было занято 6000 землемеров.

Крестьяне могли получить землю отрубом. Земля эта была не в отдельных полосах, а в одном участке. Отрубной крестьянин оставался жить в деревне у своего приусадебного участка и отличался от других общинников только тем, что земля его теперь была не общая, а собственная и притом в одном наделе. Выселявшиеся же на хутора получали в собственность всю землю, включая усадебные участки и землю для построек.

Производился отвод участков для общественных нужд, что дало агрономам возможность устраивать опытные посевы и вести обучение лучшей обработке земли. Земские склады отпускали на льготных условиях в кредит сельскохозяйственные машины и семена. К 1917 году в России образовалось на добровольных началах до 4700 различных сельскохозяйственных кооперативов.

В министерстве земледелия начало энергично работать переселенческое управление. В задачу управления входило не только водворять переселенцев на новых местах, но и обеспечивать их хозяйства всем необходимым, машинами, семенами. Переселенцы освобождались от уплаты налогов и воинской повинности на срок до пяти лет.

С 1905 года по 1916 год окончательно осели на новых местах четыре с половиной миллиона человек, получив в Сибири по 15 десятин земли в личную собственность на мужскую душу и по три десятины на урожайном Черноморском побережье. Кроме этого Землеустроительные Комиссии продали крестьянам через Крестьянский Банк за период с 1907 г. по 1917 г. 19 миллионов десятин помещичьих и казенных земель. Все землевладение в Европейской России было размежевано и оформлено с уничтожением чересполосицы.

Урожайность начала повышаться, оживилась экономическая жизнь. Налоги на землю в России были самые низкие в мире: государственные — 13 копеек с десятины, земские, общественные (коммунальные), в среднем, 50 копеек с десятины в год.

Столыпинские меры представляли собой разумное завершение реформы освобождения крестьян 1861 года и указали твердый и ясный путь для небывалого подъема российского сельского хозяйства. Россия своим хлебом стала кормить Европу. Столыпин говорил: „Дайте нам 10 лет спокойной работы и в деревне будет благосостояние и порядок". Десяти лет ему не дали. Его убили так же, как в свое время убили Императора Александра II, и прервали проведение задуманных им реформ.

Если бы Столыпин прожил еще, оставаясь у власти, не было бы ни войны, ни революции, ни большевистского безумия и было бы сохранено, по самому скромному подсчету, сто миллионов человеческих жизней.

В 1914 году началась война, но землеустройство продолжалось, хотя и замедленным темпом — много было призвано в армию и крестьян, и землеустроителей. А в 1917 году произошла революция — величайшее предательство, совершенное недостойными людьми, воспользовавшимися трудным для нашего Отечества временем.

При Временном правительстве в деревне мало что изменилось. Крестьяне выжидали, и захват помещичьей земли был явлением редким.

Осенью 1917 года, не встретив особого сопротивления со стороны растерявшейся революционной власти, большевики захватили бразды правления и немедленно принялись за землеустройство по собственным рецептам.

Одним росчерком пера они уничтожили все труды Столыпина и результаты его аграрной реформы, декретировали национализацию всей земли и объявили „черный передел". По „черному переделу" каждый, кто хотел, мог получить землю по определенной норме. Я преднамеренно употребил выражение „росчерком пера", так как до конца 1918 года у большевиков все этим „росчерком" ограничивалось. У них не было достаточно ни сил, ни умения провести свои законы в жизнь, и крестьяне продолжали жить по-старому, пользуясь голо-

дом для выгодной торговли с горожанами продовольствием...

Восторженные поклонники всяких революций утверждают, а доверчивые люди им верят, что народные возмущения являются естественным следствием несправедливостей и притеснений, чинимых государственной властью. На самом деле это не так. От зажигательных митинговых речей и критики действий правительства, до активных революционных действий — очень далеко. Для этого надо организовать оппозиционные силы, а для всякой организации необходимы материальные средства. Нужны деньги и для активных действий. Деньги же у наших крайне-левых революционных партий нашлись. И вот каким образом.

Помимо мелких подачек со стороны наших богатых коммерсантов и промышленников, игравших в либералов и вивших себе веревку, на которой потом они были повешены, и помимо грабежей, деликатно называвшихся экспроприациями, наши крайние революционные элементы нашли крупный источник денежных средств в Америке. Я говорю о времени до русско-японской войны, т. е. до 1905 года.

В Соединенных Штатах был банк, слывший одним из крупнейших финансовых учреждений Америки, во главе которого в течение 30 лет стоял некий Яков Шифф. Он был родом из Франкфурта, где его отец служил мелким клерком в банке Ротшильда. Шифф-сын эмигрировал в Америку, где сделал быструю карьеру и в сравнительно короткий срок встал во главе банка. Еще до вступления в него Шиффа, это учреждение было тесно связано с немецкими банками и осуществляло их финансовые операции на американском континенте. Связи этого банка с правительством Германии были также весьма тесны.

В банковском мире Шифф был известен и выделялся не только своим блестящим знанием дела и смелостью своих операций, но и своим определенным взглядом, довольно своеобразным, на роль банков, как крупных

финансовых учреждений, в области мировой политики. Шифф откровенно говорил о необходимости передачи в руки Единого Верховного Банка не только всей мировой промышленности, но и контроля за развитием и организацией „интеллектуальной жизни человечества". Для осуществления своей идеи банкир Шифф, между прочим, считал совершенно необходимым решительно повлиять на русскую политику в смысле изменения существующего в этой стране государственного строя в направлении установления демократии в России.

В начале пути к достижению своей цели, Шифф был готов сотрудничать с марксистами. Он считал, что для создания нового социально-политического строя в мировом масштабе, нужно сначала преодолеть сопротивление России. Для этого он был готов предоставить нужные материальные средства, оказывать даже прямую или косвенную политическую и дипломатическую поддержку.

Роковому совпадению обстоятельств угодно было помочь осуществлению плана Шиффа и пошатнуть основы Российского могущества — началась несчастная, ненужная и навязанная нам война с Японией.

Шифф сразу занял решительную позицию, обеспечив финансовую помощь Японии. Материальное положение Японии было далеко не блестяще и без иностранной помощи она, несмотря на свои успехи, была бы вынуждена заключить мир с Россией через несколько месяцев после начала войны. При финансовой помощи банка Шиффа Япония могла вести войну в течение 18 месяцев и нанесла престижу России сильный удар.

Банкир Шифф устроил японцам все необходимые займы в Америке, Англии и Германии. Быть может, скажут — простая банковская операция... Международные конфликты для больших банков всегда являются источниками крупных барышей и банк Шиффа, в этом случае, возможно, лишь занимался своими непосредственными банковскими делами. Императорская Россия имела свою финансовую базу во Франции, а Шифф использовал для Японии американские и английские источники,

получая на этой операции крупные прибыли. Ничего нет более нормального. Но вот что было ненормальным — это активность, которую проявил банк Шиффа в это время в России.

Субсидии, выдававшиеся до того времени так называвшимся тогда русским нигилистам, перестали носить случайный характер. Была создана настоящая активно действовавшая террористическая организация, члены которой убивали представителей власти, вели революционную пропаганду среди крестьян и рабочих. Бомбы изготовлялись сериями, привозились контрабандным путем на русскую территорию, вспыхивали забастовки и бунты. Общественное мнение обвиняло в этом Японию. По некоторым сведениям эту разрушительную работу, подрывавшую внутриполитическую устойчивость России, финансировал банк Шиффа. И обошлась эта работа Шиффу примерно 15.000.000 долларов. По всей вероятности, Япония впоследствии покрыла эти издержки с надбавкой соответствующего процента, но банк первоначально сумму эту кредитовал и она была вложена не напрасно.

Неблагоприятный ход военных действий на Дальнем Востоке и беспокойное состояние страны заставили Государя и правительство принять предложение президента США Рузвельта-старшего о посредничестве и послать в качестве делегата для переговоров с японцами в Портсмут графа С. Ю. Витте.

Витте попутно в Америке вынужден был принять довольно неожиданных посетителей. Этими господами были Яков Шифф, доктор Краус и доктор Штраус. Они „по-видимому были в прекрасных отношениях с Рузвельтом", замечает Витте в своих воспоминаниях (т. 1, сс. 394—395). Это обстоятельство, вероятно, послужило причиной их приема со стороны Витте.

Они не скрыли от Витте, что главной причиной российских несчастий было отсутствие в России „демократического образа правления" и в частности, неравноправное положение еврейского населения и прибавили,

что положение может коренным образом измениться, в случае проведения соответствующих законов. На это Витте заметил, что вряд ли со стороны американских граждан уместно касаться внутренних вопросов российского государственного устройства, а что касается еврейского вопроса, то Витте, сам женатый на еврейке и не будучи антисемитом, сказал, что „несчастное" положение еврейского населения в России сильно преувеличено и одним махом нельзя дать равноправие, не вызвав этим народную реакцию, которая скорее повредит еврейским интерессам. „Мои возражения, — пишет Витте, — вызвали со стороны Шиффа резкие слова, которые Штраус старался смягчить".

Вторичное свидание не внесло ничего нового. Заключительная часть этого вторичного свидания стала известной из речи, произнесенной Краусом: „В виду позиции, занятой Витте, Шифф вспылил, заявив ему: „если Царь не пожелает произвести соответствующие реформы, революция завоюет республиканский режим, при помощи которого будут добыты еврейскому народу искомые права". Это было предупреждение, что если даже мир с Японией будет заключен, внутренняя война будет продолжаться.

На этом первая глава революционного движения в России закончилась. В дальнейшем, после окончания японской войны, если не считать отдельных выступлений и продолжавшихся террористических актов, революционная волна пошла на убыль, несмотря на полученное графом Витте предупреждение. И это, благодаря твердости правительственной власти и проведению различных реформ.

П. А. Столыпин, вступивший в должность министра внутренних дел и затем ставший председателем Совета министров, ознаменовал своею деятельностью самый яркий период нашей новейшей истории. Реформам Столыпина не суждено было осуществиться до конца, он был убит террористом Богровым в начале сентября 1911 года. В Киеве, где он был убит, на цоколе постав-

ленного ему памятника были начертаны его слова, сказанные им по адресу революционных партий: „Вам нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия". Этот памятник был снесен теми, кому нужны были „великие потрясения".

За период сравнительного ослабления революционной деятельности, революционные организации оружия не сложили. Хотя они несколько изменили свою тактику, но цели их оставались прежними — свержение насильственным образом существующего строя.

Неудача революционного движения 1905 года, которое едва не привело Россию к тому, что случилось 12 лет позже, принудила революционные круги к заключению, что революцию следует подготовить более основательно и, что нужно, во-первых, ждать того времени, когда Россия снова будет вовлечена в международный конфликт и, во-вторых, приложить все усилия, чтобы предупредить появление во главе русского правительства и особенно министерства внутренних дел людей умных и решительных, вроде П. А. Столыпина или П. Н. Дурново.

Как пример изобретательности революционеров для устранения нежелательного им кандидата на пост министра внутренних дел, приведу следующий случай. После кончины Столыпина, самым подходящим кандидатом на пост министра внутренних дел был его ближайший помощник, государственный секретарь С. Е. Крыжановский, человек умный и решительный, с большим государственным опытом.

Как-то к Столыпину на прием явился человек, известный в петербургском обществе как авантюрист без определенных занятий, но отличавшийся острым умом и крайней изобретательностью для устройства своих довольно темных дел. Столыпин попросил Крыжановского выйти к этому господину и попросить его удалиться, что Крыжановский и исполнил в довольно резкой форме. Визитер сказал, удаляясь: „Вы это припомните!"

Вскоре после убийства Столыпина новый премьер граф В. В. Коковцев представил Государю кандидатуру Крыжановского на пост министра внутренних дел. На столе у Государя лежал известный революционный листок „Былое", издававшийся заграницей и тайно доставлявшийся в Россию. В нем восхвалялся Крыжановский и вспоминались его студенческие годы, когда он, якобы, принимал участие в московских левых студенческих кружках и участвовал в студенческих беспорядках. Этот листок, положенный на стол Государя услужливой рукой, Государь показал Коковцеву, выразив сомнение с пригодности такого человека на посту охранителя государственного порядка. Таким образом кандидатура Крыжановского отпала — это была месть выдворенного когда-то из министерской приемной человека.

*

28 июня 1914 года в городе Сараево были убиты австрийский престолонаследник кронпринц Франц Фердинанд с супругой. Убийцами оказались два молодых человека, босняки и, следовательно, австрийские подданные. Когда волнение, вызванное этим убийством, постепенно стало успокаиваться и повсюду оно рассматривалось как сугубо внутреннее австрийское дело, из Вены неожиданно поползли слухи, что там считают сербское правительство причастным к террористическому акту. Такие предположения были совершенно безосновательны. Во главе сербского правительства стоял мудрый престарелый Пашич и было просто смешно полагать, что он мог быть причастным к такому делу, прекрасно зная его возможные последствия.

Смерть кронпринца была, быть может, большим несчастьем для австрийского королевского дома, но вместе с тем она могла явиться великолепным предлогом для расправы с Сербией. Сербии был предъявлен австрийский ультиматум, совершенно неприемлемый ни по

форме, ни по содержанию, ибо Вена требовала допустить австрийскую полицию в Белград для производства расследования, причем срок истечения этого ультиматума определялся в 48 часов. Русское правительство дало совет ультиматум принять, за исключением пункта, совершенно несовместимого с достоинством суверенного государства, об участии австрийских полицейских в расследовании убийства на сербской территории.

Одновременно наш министр иностранных дел Сазонов обратился в Берлин и в Вену с просьбой продлить срок ультиматума еще на 48 часов, чтобы уладить конфликт путем переговоров. Эта просьба была отвергнута, а император Германии Вильгельм говорил страшные и оскорбительные слова против Сербии, подстрекая Австрию к решительным действиям.

В эти грозные минуты сербский королевич Александр обратился за помощью к русскому Императору. Государь ответил: „Пока остается хоть малейшая надежда на избежание кровопролития... все мои усилия будут направлены к этой цели. Если, несмотря на наше самое искреннее желание, мы ее не достигнем, Ваше Высочество можете быть уверены, что Россия ни в коем случае не останется равнодушной к участи Сербии".

28 июля 1914 года, несмотря на принятие ультиматума, кроме пункта об участии австрийской полиции в расследовании убийства на сербской территории, как посоветовало русское правительство, Австрия объявила войну Сербии и в тот же день назначила всеобщую мобилизацию. В ответ на эту меру, Россия в свою очередь мобилизовала в качестве меры предосторожности 13 армейских корпусов, т. е. четыре южных военных округа. В тот же день русский Император телеграфировал германскому: „... в столь тяжкий момент, я прошу тебя прийти мне на помощь. Постыдная война объявлена маленькому народу. Негодование, которое разделяю и я, громадно во всей стране. Я предвижу, что очень скоро я не смогу более сопротивляться давлению, которое оказывают на меня, и что я буду вынужден прибегнуть к

крайним мерам, которые приведут к войне. Чтобы предупредить катастрофу начала европейской войны, я прошу тебя во имя нашей старой дружбы сделать все, что в твоей власти, чтобы помешать твоему союзнику зайти слишком далеко".

Вильгельм ответил: „С величайшим беспокойством узнал я о впечатлении, которое произвели на твою Империю решительные шаги Австрии. Беспрерывная травля, которая направлена против Австрии в течение многих лет в Сербии, привела к чудовищному покушению. Несомненно ты согласишься, что мы оба, как Государи, заинтересованы в наказании тех, кто совершил это убийство, с другой стороны, я нисколько не скрываю от себя, насколько трудно тебе сопротивляться общественному мнению. В память нашей сердечной дружбы, я употреблю все мое влияние, чтобы заставить Австрию прийти к лояльному и удовлетворительному соглашению с Россией. Я рассчитываю, что ты поддержишь мои усилия в стремлении устранить все затруднения, которые могут еще встретиться. Твой друг и кузен, искренний и преданный Вильгельм".

Наш Государь ответил: „Я тебя благодарю за твою телеграмму, столь дружественную и утешительную, в то время как официальные сообщения твоего посла моему министру носят совершенно другой характер. Я тебя прошу выяснить причину этой несогласованности. Хорошо было бы подвергнуть австро-сербскую проблему рассмотрению на Гаагской конференции. Я верю в твою осмотрительность и в твою дружбу".

Тем временем в наш Генеральный Штаб приходят сведения, что в Австрии мобилизация закончена и на русской границе замечено сосредоточение австрийских войск. На нашей германской границе никаких мер мобилизации не было принято, о чем Германия была оповещена. 30 июля германский посол просил нашего министра иностранных дел указать на каких условиях мы согласились бы приостановить наши военные приготовления. Наш министр ответил: „Если Австрия заявит го-

товность удалить из ультиматума пункт, посягающий на суверенные права Сербии, Россия прекратит свои военные приготовления". Через несколько часов пришло извещение от нашего посла в Берлине, что Ягов, германский министр, считает это предложение неприемлемым. В тот же день наш посол сообщает, что общая германская мобилизация подписана, а еще через несколько часов от посла последовало опровержение со слов Ягова. На самом деле наш посол почерпнул сведения о мобилизации из газет, но по свойству германской мобилизации, она держалась в секрете и резервисты созывались по именным спискам и следовательно она действительно производилась.

Ввиду всех этих обстоятельств наш министр иностранных дел, по требованию генерального штаба, отправился к Государю для доклада и для испрошения Высочайшего Повеления о производстве нашей всеобщей мобилизации. Государь Император сказал Сазонову: „Это значит обречь на смерть сотни тысяч людей, как не остановиться перед таким решением. Вы правы, нам ничего другого не остается, как ожидать нападения. Передайте начальнику генерального штаба мой приказ об общей мобилизации".

Это было 31 июля. В полночь германский посол граф Пурталес вручил нашему министру ультиматум с требованием в двенадцатичасовой срок приостановить нашу мобилизацию и распустить уже мобилизованных запасных.

Помимо неприемлемости для русского достоинства этих требований, они технически были невыполнимы. К тому же взамен роспуска наших запасных нам не обещали однородной меры. После этого ультиматума стало очевидным, что дело мира было проиграно.

В 7 часов вечера 1 августа германский посол явился к Сазонову спросить готовы ли мы исполнить требование Германии. Министр ответил, что он не может ничего прибавить к тому, что уже сказано. Тогда посол вынул из кармана лист бумаги, дрожащим голосом повторил

вопрос и на такой же повторный ответ вручил бумагу министру, сказав: „В этом случае мое правительство поручило мне передать Вам следующую ноту". Нота эта — было объявление нам войны.

Так началась безрассудная Великая Европейская война, стоившая миллионы человеческих жертв, неимоверных разрушений, принесшая столько горя и породившая коммунизм со всеми несчастными последствиями.

*

Я не знаю из каких источников черпали военные историки свои сведения, описывая происшедшую с нашими двумя армиями драму в начале войны 1914-го года. Нам, живым свидетелям и, до некоторой степени, участникам этих событий, дело представлялось в несколько ином виде.

Стремительное наступление в Восточной Пруссии сначала 2-й, а затем 1-й армии, повидимому, очень встревожило германское командование. Поток беженцев наводнил Германию по ту сторону Вислы и даже докатился до Берлина. Немецкое общественное мнение требовало принятия мер, чтобы остановить русское наступление и освободить Восточную Пруссию, где, между прочим, находились поместья Вильгельма и многих других знатных немцев.

Германское командование, не ожидавшее нашего раннего наступления до завершения мобилизации, было застигнуто врасплох и решило, вняв требованиям общественности, пожертвовать своим блестящим наступлением во Франции. В срочном порядке были сняты с западного фронта два армейских корпуса и брошены в спешном порядке на восточный фронт. Эти два корпуса пришли во время и ударили сначала по 2-й армии. Наши боковые 1-й и 6-й корпусы отошли назад, а средние - 13-й и 16-й были уничтожены. Генерал Самсонов, командующий 2-й армией, застрелился. Наша 2-я армия перестала существовать.

Освободившиеся немецкие силы двинулись против 1-й армии. На левом фланге этой нашей армии были Мазурские озера, посреди которых находилась немецкая крепость Лётцен. В Лётцене размещался немецкий гарнизон, который, таким образом, оказался позади левого фланга нашей 1-й армии. К этой крепости устремился правый фланг немецких сил. Наш правый фланг тоже не был прикрыт, а Кёнигсберг был в немецких руках.

Генерал Реннекампф, командующий 1-й армии, отдал приказ, опасаясь окружения, об отступлении к нашей границе, что и было выполнено без особых потерь с нашей стороны и в относительном порядке.

*

Летом 1914 года в имении гостеприимной помещицы Марии Федоровны Лошаковой, расположенном в Старицком уезде Тверской губернии в двухстах верстах от Москвы, собралась большая компания молодежи. Компания состояла из двух дочерей и двух сыновей тетушки Марии Федоровны, её племяниц и племянников, друзей, соседей и гостей, прибывших из города Ржева на Волге. Справляли именины одного из сыновей Марии Федоровны. Был день св. Владимира, 15 июля.

На берегу реки собралась эта компания. Было большое количество всяких вкусных деревенских явств и „контрабандные“ напитки, даже несколько бутылок шампанского. „Контрабандных» потому, что тетушка строго соблюдала правила трезвости, несмотря на то, что у неё был винокуренный завод. Шампанское и прочие напитки были на веревочке опущены в воду для их сокрытия и охлаждения.

Стояла жаркая июльская погода. легкий ветерок тихо шевелил листочки прибрежных кустов, а по небу медленно плыли пушистые барашки облаков, предвещая продолжительную хорошую летнюю погоду.

Вдруг, мы увидели человека, бежавшего с горы от барского дома. Он что-то кричал, размахивал руками и, очевидно, был в состоянии сильного волнения.

— Это мой вестовой, - сказал ротмистр Пангинский, командир эскадрона Уланского полка, расквартированного в Ржеве.— В полку, что-то случилось. Я догадываюсь, что именно. Мы к этому готовились в связи с Сараевскими событиями. Мой вестовой бежит за мной. Это, вероятно, мобилизация и если меня не обманывает предчувствие - это война. Как это не жалко, я вынужден спешно распрощаться с вами.

Улан подбежал к ротмистру и доложил ему, что командир полка требует немедленного его возвращения в полк. Действительно, была объявлена всеобщая мобилизация и призыв солдат и офицеров в армию.

После ухода ротмистра каждый из нас стал размышлять, что ему следовало делать. Среди нас были запасные военнослужащие. Но, не будучи подготовленными к такого рода событиям, ни кто из нас не знал, что следует предпринимать в таких неожиданных ситуациях. Я был в числе тех, кого объявление мобилизации касалось непосредственно, ибо числился в запасе кавалерии, отбыв воинскую повинность и будучи произведен в офицерский чин. Ныне же я состоял на гражданской службе в качестве чиновника в канцелярии Государственного Совета.

Думать долго не приходилось. Мы с женой собрали наши вещи и отправились в имение, где проживали мои родители, в 75 верстах от имения тетушки Марии Федоровны. Оттуда я отправился в ближайший уездный город Зубцов. Там, облачившись в военную форму, явился к воинскому начальнику.

Воинский начальник, пожилой полковник, был приятелем моего отца, ездил с ним вместе охотиться. Однако сознавая ответственность своего положения, в связи с напряженной обстановкой, принял меня официально и протянул мне призывной лист, согласно которому я назначался по мобилизации в штаб 8-й

Сибирской пехотной дивизии в Красноярск. Я не знал, кто занимался в губернии распределением мобилизованных, но меня такое назначение ошеломило. Меня – кавалерийского офицера назначили в пехоту, да еще в штаб и, что хуже всего, упекают меня в Сибирь, когда мой полк, с которым я сроднился, уходит на фронт. Этого я перенести не мог. Выручил меня воинский начальник.

— Знаете, назначение - наоначением, но дать вам денег подъемных, прогонных и на экипировку я не могу, ибо у меня их нет. Я запрошу Тверь как быть, - сказал он.

Мелькнул лучик надежды и я попросил его, чтобы он разрешил явиться к нему на следующий день. А когда я явился, полковник объявил, что Сибирь, пехота и штаб отменяются и я командируюсь на Кубань в запасной кубанский казачий полк. Денег же у него для меня не было. И он посоветовал: „Поезжайте, батенька, в Питер по месту вашей гражданской службы и устраивайтесь там сами, как сможете“.

Ни Кубань, ни Сибирь, ни пехота, ни казачий полк меня, конечно, не устраивали. В казачьем седле я ездить не умел и казачьего строя не знал. Я ухватился за совет полковника, поблагодарил его и на следующий день поехал в Петербург. В Петербурге, первым делом, явился к своему высшему начальству – Государственному Секретарю С.Е.Крыжановскому. Доложил ему о положении, в каком я находился и объяснил, что нисколько не уклоняюсь от исполнения своего долга, но хочу его исполнить в привычных для меня условиях военной службы. Крыжановский мне заявил, что он понимает мои патриотические чувства, но по закону о воинской повинности, я - как чиновник канцелярии Государственного Совета, освобождаюсь от военной службы и должен исполнять мои служебные обязанности, о чем будет осведомлен начальник мобилизационного отдела Генерального Штаба.

Я увидел, что дело принимает неожиданный и нежелательный для меня оборот. Я взмолился и тронул патриотическое сердце закоренелого бюрократа.

— Поезжайте, голубчик, воевать. Победите немцев и когда, Бог даст, вернетесь, ваше место останется за вами, - сказал он.

Я был, конечно на седьмом небе. Будучи законным образом освобожденным от необходимости отправляться в нежелательном направлении, наскоро принялся за экипировку. Шашка и пистолет у меня были, была и летняя форма. Приобрел походную постель и прочее походное имущество. Что же касается вьюка и лошади, то не сомневался, что обзаведусь и тем и другим на месте.

Простившись со своими, получив в Главном Штабе нужные бумаги для следования в армию на фронт с помощью знакомых генералов, я сел в поезд на Варшавском вокзале и отправился в путь. Сел - это, конечно, громко сказано. Сел я на свой чемодан в проходе вагона, ибо мест в поезде не было. Так я добрался до Вильно.

Вильно в мирное время было резиденцией начальника Виленского военного округа, в то время генерала Реннекамфа. В начале войны он был назначен командующим 1-й армией, которая в данное время оперировала в Восточной Пруссии и штаб которой, как я узнал, находился в Инстенбурге. Туда я стремился попасть, чтобы получить зачисление в офицерский состав моего полка, который принадлежал к 1-й армии. Пришпось искать возможности, чтобы туда добраться, так как нормального пассажирского железнодорожного сообщения не существовало.

Я узнал, что в Вильно находится канцелярия начальника местного отдела Главного Управления Красного Креста генерала Ф.Ф.Трепова. Я отправился в канцелярию и мне повезло встретить среди сотрудников этого учреждения друзей по Петербургу. Они помогли мне устроиться в санитарный поезд Красного Креста, следо-

вавший как раз в первую армию для обслуживания раненых. Я устроился в одном из вагонов, где оказалась свободная полка. На верхней полке разместился священник, направляющийся в один из полков первой армии. Он что-то бормотал, все повторяя: „Ужасы и стоны“.

— Да, батюшка, война, конечно, дело страшное. Люди умирают, кровь льется, — сказал я.

— Нет, — ответил он, — не то. Клопы заели.

Продолжать разговор не хотелось. Я повернулся на бок и быстро заснул. Когда проснулся утром, поезд двигался по немецкой территории по направлению к Эйдкунену. Скоро пришлось перегружаться из-за разницы в ширине железнодорожной колеи, которую не успели перешить.

Пока перегружали имущество Красного Креста в немецкий состав, я нашел себе сидячее место в одном из вагонов. Потом наш эшалон медленно тронулся в путь. Проехали станции Сталупекен, Гумбинен. Вдоль железнодорожного пути стояли группы местных жителей. Кое-кто махал шляпами и, к моему удивлению, кричали что-то вроде приветствия. Прибыв в Инстенбург со своим несложным скарбом, я принялся искать Штаб первой армии. Найдя комендатуру Штаба, представился коменданту и попросил отвести мне помещение. Моя просьба была любезно выполнена.

Инстенбург напоминал русский захолустный губернский город. Он был пуст. Магазины были заперты. Освещения не было. Мне отвели квартиру, которая по всей вероятности принадлежала немецкому семейному офицеру местного гарнизона. Это была благоустроенная квартира, кухня блестела чистотой. Я привел себя в порядок и отправился представиться в Штаб армии, который размещался в уютном особняке, вроде дачи, с верандой, обвитой диким виниградом.

Меня принял старший адъютант Штаба, полковник, которому я передал мое командировочное удостоверение. Я попросил полковника направить мой рапорт по

начальству. В рапорте я ходатоствовал о зачислении меня в мой гвардейский кавалерийский полк. Полковник сказал, что мой полк, входящий в состав гвардейской кавалерии, далеко ушел вперед, находится в постоянном движении и я вряд-ли скоро получу ответ. Ознакомившись с моими бумагами, он предложил отдать приказ о моем временном прикомандировании к Штабу армии для возможных поручений. Этому решению я подчинился и таким образом остался в распоряжении Штаба для выполнения служебных поручений.

Вернувшись в отведенную мне квартиру я, к своему удивлению, нашел там другого жильца, уполномоченного Красного Креста, которого „ныне и иногда" встречаю теперь в Париже и который стал довольно известным писателем. Он оказался приятным соседом и предложил мне отправиться вместе с ним в столовую местного отделения Красного Креста, где не откажутся меня накормить. Среди персонала Красного Креста были и немецкие сестры милосердия, захваченные в плен. Когда над нашими головами появился немецкий аэроплан, они в восторге завизжали и отчаянно махали платками.

Моя служба началась на следующий день. В Гумбинене находилось отделение банка. В банке стоял огромный бронированный несгораемый шкаф. Предполагалось, что в шкафу хранились казенные немецкие деньги н какие-то ценности. Отряду саперного батальона было поручено вскрыть шкаф, а мне составить протокол и опись найденного. Саперы заложили несколько пероксилиновых шашек. Взорвавшись, они оторвали тяжелую дверь, пролетевшую через всю комнату и разбившую окно. В шкафу же оказалось семь бумажных немецких марок. Скромный трофей.

Из этого помещения вела дверь в частную квартиру директора банка. Я поинтересовался как жила зажиточная немецкая семья. Очень комфортабельная обстановка уютной столовой. На столе стояли чашки с недо-

питым кофе. Было видно, что хозяева не ожидали нашего стремительного наступления и бежали, бросив всё.

Следующим моим поручением было задание достать двадцать парных подвод для перевозки какого-то штабного имущества. Дело было нелегкое. Через эти места прошли две армии - немецкая и наша и забрали всё, что могли.

В Гумбинене была почтовая станция, с которой почтовыми каретами доставлялась почта в населенные пункты, лежащие в итдалении от железной дороги. Там были лошади и я отправился туда. Начальник станции со слезами на глазах умолял меня не брать у него лошадей. Он предложил отвезти меня в какое-то имение за 15 верст от Гумбинена, где я могу получить необходимое мне количество лошадей и повозок. Я легкомысленно согласился. Он запряг какую-то клячу в двухколесный фаэтон и мы отправились вдвоем. По дороге болтали, по-немецки я говорил свободно. Проехав 15 верст мы въехали на широкий двор большого имения, где шла полным ходом молотьба. Было видно, что работали переодетые солдаты. Вероятно, запасные - человек двадцать пять. Командовал ими усатый, одетый в штатское, фельдфебель. По правде сказать, я опешил. Был я один, кругом ни одного русского человека. Убьют, зароют и никто не узнает куда я девался. Бесславная кончина.

Я прислонился к стене сарая, вынул револьвер и решил дорого продать свою жизнь. Тем временем мой почтмейстер, жестикулируя, что-то доказывал фельдфебелю. Тот, повидимому, возражал и я чувствовал, что решается моя судьба. Вдруг фельдфебель отдал какое-то приказание и к моему величайшему изумлению рабочие бросились в конюшню, вывели оттуда лошадей и запрягли их в парные телеги. Всё это произошло очень быстро. Не успел я оглянуться, как вереница телег выехала за ворота, а мы с почтмейстером на нашем фаэтоне следом. Покатили обратно в Гумбинен.

В Инстенбурге, куда я после этого прибыл, на улице я встретил ротмистра Маркозова, нашего полкового товарища, бывшего до войны в запасе. Он покинул полк задолго до войны, стал членом Правления Международного банка в Петербурге. Здесь же он был как бы заместителем начальника тыла первой армии и занимался, главным образом, санитарным делом.

Узнав, что я тут временно нахожусь, ибо жду ответа из полка, он предложил мне перейти под его начальство. Я выразил свою готовность при условии получения согласия Штаба армии. Согласие Штаба было получено и вместе с Маркозовым я покатил на «Форде» на левый фланг расположения армии в маленький городок Даркэмен. Здесь на железнодорожной станции располагался лазарет петербургской французской колонии под начальством доктора Крессона. На станции было свалено большое количество всякого военного имущества. Всё это находилось под угрозой неприятельского окружения. Как оказалось, левый фланг нашей армии был уже обойден противником.

Нам надо было торопиться с отправкой имущества и раненых по направлению к Вертболову. Гром пушечной стрельбы приближался. Раненые прибывалн на телегах, приходили пешком. Всё это грузилось в последний эшалон. По дороге мимо станции в сторону приближавшегося неприятеля шли крупной рысью донские казаки. Надо было торопиться.

Маркозов, оставив меня в Даркэмене довершать эвакуацию, решил поехать на нашем «Форде» в Инстенбург. Впоследствии я узнал, что по дороге он наткнулся на передовой отряд немцев и попал в плен. Немецкие солдаты над ним издевались.

Мне удалось вскочить в товарный вагон последнего поезда, шедшего по направлению к Вертболову, к русской границе. Забрался я на ящики под самым потолком вагона и предельно уставший, заснул немедленно крепким сном. Все мои пожитки пропали в Инс-

тенбурге, в том числе мой любимый револьвер «Веблей и Скотт» остался на столе в немецкой квартире. Кому-то он достался?

Ранним утром я проснулся. Поезд стоял. Я спустился с ящиков, раздвинул дверь и обнаружил, что мы стоим в Эйдкунене. Дальше поезд мог дойти тлько да Вертболово, куда была протянута узкая немецкая колея. Здесь должна была быть перегрузка.

Вокруг было тихо, только слышалась отдаленная артиллерийская стрельба. Я отправился пешком по железнодорожным путям по направлению к Вертболово, куда было версты две. Там, где железнодорожный путь приближался к шоссе, я сошел на дорогу, по которой густой толпой шли солдаты какого-то пехотного полка. Впереди шли офицеры и я присоединился к ним. Вскоре мы увидели впереди, стоявшего посреди шоссе офицера. В руке он держал револьвер, направленный в нашу сторону и что-то кричал. Когда мы подошли ближе, мы услышали, что офицер требует, чтобы полк был приведен в походный порядок. Приказ он отдавал от имени командующего армии, адъютантом которого, якобы был. Я узнал офицера – это был поручик Бермонд, офицер того самого уланского полка, который стоял во Ржеве и из которого он был отчислен за оскорбление, нанесенное им адъютанту полка. После революции он стал известным как князь Авалов, собравший при содействии германского командования довольно большой отряд, воевавший против коммунистов в Прибалтийском крае.

Я подошел к нему. Мы были с ним на „ты“. Уговорил его не делать глупостей и не требовать от измученных, голодных солдат выполнения уставных правил мирного времени. Он быстро согласился со мной, отвязал свою красивую лошадь от дерева и ускакал. Потом я узнал, что комендант Штаба армии приказал его арестовать за самозванство, ибо адъютантом генерала Ренненкамфа он не был.

Прийдя на станцию Вертболово я поднялся на платформу. По платформе метались сестры милосердия. И мужской персонал госпиталя находился в паническом состоянии. Все кричали на иностранном языке и никто не знал, что делать, ибо поезд стоял на узкой колее, а ширококолейного состава не было. Станция была в огне, горели склады товаров и станционные здания. По платформе стелился удушливый дым. Артеллирийская канонада со стороны Эйдкунена приближалась. Госпиталь был тот самый французский, с которым я познакомился в Даркэмене. Персонал его был совершенно беспомощен, по-русски говорили плохо, да и разговаривать было не с кем, ибо станционные рабочие и служащие исчезли. Надо было что-то предпринимать.

Сделаю небольшое отступление. Когда я еще учился в школе, мимо усадьбы моих родителей прокладывали железную дорогу. Она должна была связать Москву с Ригой. Мимо нашей усадьбы, где кончался парк, бегали взад и вперед старомодные маленькие паровозики. Их было два – на одном из них красовалась надпись „Угорь“, другой был „Карась». Они возили платформы с песком, щебнем и шпалами. Мы (нас было три мальчика) познакомились с машинистами, приносили им читать газеты, журналы. За это они обучали нас обращаться с паровозами. Мы стали кочегарами и машинистами и возили песок. Машинисты же читали газеты и следили за нашими успехами. Нас все это очень увлекало. Теперь-то, мальчишеская наука пригодилась.

Увидев на платформе человека в форме инженера – как потом оказалось, это был князь Ливен, – я объяснил ему мои возможности и мы оба побежали в паровозное депо искать паровоз. Нам повезло. В депо стоял товарный паровоз, еще горячий, который можно было быстро поставить под пар. Я залез на паровоз, Ливен пошел переставлять стрелки. Я привел паровоз в движение и мы стали собирать вагоны и составили поезд, который после многих усилий подали к плат-

форме. Радость была неописуемая. Закипела работа по перегрузке, руководство которой взял на себя заведующий хозяйством госпиталя, француз Ришар.

Вскоре на платформе появился человек, оказавшийся машинистом. Он сказал, что поведет поезд в Вильно и просил взять его жену и сына. Как оказалось, на паровозе было достаточно угля и воды. Я взял на себя роль кочегара. Воинственно настроенный старший врач госпиталя, француз Крессон, стоял на паровозе с револьвером в руке, а князь Ливен устроился в поезде в приятном обществе француженок - сестер милосердия и мы тронулись в путь когда немцы занимали Эйдкунен.

Худо ли - хорошо ли, к утру мы добрались до Вильно. Я распростился со своими спутниками и пошел искать пристанище, разбитый от усталости и бессонной ночи. Но вначале надо было разыскать Штаб армии и представиться по начальству.

По дороге я повстречал офицера гвардейского уланского полка Бибикова, страшно ему обрадовался. Особенно обрадовался, узнав, что полк находится где-то неподалеку. Попросив Бибикова узнать в штабе полка о судьбе моего рапорта, я отправился искать Штаб армии. В Штабе меня постиг неожиданный удар. Старший адъютант, знакомый мне по Инстенбургу, распросив меня куда я пропал, подал мне телеграмму из Петербурга, в которой Генеральный Штаб требовал немедленного моего возвращения в столицу. В телеграмме указывалось, что я должен явиться к дежурному генералу Генерального Штаба Архангельскому, который замещал генерала Кондзеревского, отбывшего в Ставку Верховного Главнокомандующего. Меня это распоряжение сильно взволновало. Я подумал, что в Петербурге меня ожидает что-то очень скверное. Но делать было нечего, надо было ехать. Предполагал я, что получу дисциплинарное наказание за невыполнение мобилизационного распорядка.

Перед отъездом в Петербург я разыскал Бибикова, который сообщил мне, что мой рапорт в полку получен

не был, вероятно, где-то, затерялся. От Бибикова я узнал, что Маркозов попал в плен к немцам.

В Петербурге я явился к генералу Архангельскому, который меня встретил, к моему удивлению, весьма любезно. Он сообщил мне, что вызвали меня по просьбе Государственного Секретаря Крыжановского и что я должен к нему немедленно явиться. Мрачные мысли поползли у меня в голове и я твердо решил, что в случае, если потребуют, чтобы я оставался в Петербурге, мне следует подать в отставку из Государственной Канцелярии. С другой стороны, я не мог найти объяснения тому обстоятельству, что меня, маленького чиновника, вызвали с фронта, точно без меня Государственный Совет не мог обойтись.

С такими мыслями вечером я отправился к Крыжановскому. Меня несколько смущал мой вид пещерного жителя. Был я в походной форме с отросшей бородой. Но мне хотелось как можно скорее покончить с этим делом и я отправился к министру на его частную квартиру.

Крыжановский меня немедленно принял в своем большом кабинете, стены которого были заставлены книжными шкафами. Он протянул мне руку и предложил сесть. Казалось не обратил внимания на мой дикий вид.

— Вот, - сказал он. — В Штабе Верховного Главнокомандующего сочли необходимым сформировать новый отдел, который должен заниматься делами военной администрации. Такой отдел не предусмотрен Положением об управлении войсками. Начальник Штаба генерал Янушкевич обратился к Председателю Совета Министров с просьбой прислать для руководства новым отделом опытного администратора. Выбор пал на бывшего министра внутренних дел Дурново, но Верховный Главнокомандующий, Великий Князь Николай Николаевич отклонил эту кандидатуру. Он вспомнил, что в Турецкую кампанию 1877 года, когда нашей армией командовал отец Великого Князя, Николай

Николаевич - старший, ему прислали из Петербурга князя Черкасского, заслуженного сановника. Князь Черкасский проявил слишком большую самостоятельность и начал ссориться с начальником Штаба. Возникла большая путаница, очень неблагоприятно отразившаяся на армии в административном отношении. Поэтому Великий Князь Николай Николаевич - младший, поставил условие, чтобы должность начальника нового отдела занял молодой человек, энергичный и распорядительный с юридическим образованием, но с непременным условием его прямого подчинения начальнику Штаба, а не Верховному Глабнокомандующему, как это было в свое время с князем Черкасским.

Поэтому-то и обратились к Государственному Секретарю с просьбой рекомендовать подходящее лицо из Государственной Канцелярии или министерства внутренних дел, где Крыжановский при Столыпине был товарищем министра. Выбор пал на помошника статс-секретаря князя Оболенского, очень хорошо зарекомендовавшего себя в Совете и служившего ранее в министерстве внутренних дел, который имел юридическое образование. Для организации при Штабе Верховного Главнокомандующего нового отдела, необходимо было набрать штат сотрудников. Для начала нужно было найти помошника начальника отдела, секретаря и человека для печатания на машинке. Оболенский указал на вас, как на своего помошника, так как вы с ним работали последнее время. Он уже уехал в Ставку и я вас прошу дать мне ответ, принимаете ли вы это предложение.

Крыжановский прибавил, что если я откажусь. ему будет очень трудно выбрать другое лицо, без предварительного согласия князя Оболенского, так как условия работы в Штабе требуют большой сплоченности сотрудников.

Попытаюсь объяснить почему выбор князя Оболенского пал на меня. Мы служили вместе в отделении Государственной Канцелярии, через которое проходила

подготовка всевозможных законов к слушанию в Государственном Совете. Законы эти поступали в Совет из нижней палаты Государственной Думы и поскольку господа народные представители не отличались особым умением излагать ясно и сообразно законодательной терминологии свои мысли, мы в Канцелярии должны были отшлифовывать эти тексты и подавать в Государственный Совет законы в том виде, в каком они должны были войти в свод законов Российской Империи. Князь Оболенский занимал в Канцелярии ответственную должность помошника статс-секретаря и так как Крыжановский особенно благоволил к Оболенскому, ему поручалось осуществлять самые трудные и ответственные проекты.

На меня Оболенский обратил свое благосклонное внимание потому, что мы оба не принадлажали к бюрократической касте чиновников нашего отдела. Князь Оболенский служил до Государственной Канцелярии по министерству внутренних дел. Начал же он свою служебную карьеру земским начальником, поэтому был очень бчизок к крестьянству, к сельскому быту и земле. Продвинувшись по служебной лестнице, он поступил в Канцелярию Государственного Совета для ознакомления с высшими государственными делами, для установления связей и для того, чтобы пройти известный стаж государственной службы, не теряя контакта с внутренними делами государства. В Государственной Канцеларии он был лишь временно и, как говорится, смотрел в лес.

Что касается меня, то в Государственную Канцелярию я попал совершенно случайно. Вся моя родня по восходящей линии до глубокой древности были либо администраторы (воеводы), либо помещики, занимавшиеся сельским хозяйством. Я лично окончил Императорское Училище Правоведения, которое давало своим воспитанникам знание государственных законов и права и вместе с тем, воинскую дисциплину и привязанность к традициям, оставлявшую след в душах

своих питомцев до глубокой старости – на всю жизнь. Готовился я к военной службе, но отец мой был против этого. Он уговорил меня пойти на службу в Государственную Канцелярию, соблазнив тем, что в период, когда не было заседаний Государственного Совета, то есть ежегодно четыре летних месяца, служащие Канцелярии получали отпуск. Это давало мне возможность проводить лето в деревне, заниматься сельским хозяйством, принимать участие в земской жизни.

Мое скептическое отношение к петербургской канцелярщине сблизило меня с князем Оболенским. Он привлек меня к работе, которая ему поручалась начальством. Обладая лошадиной работоспособностью, он и меня терзал днем и ночью. Я не знал ни отдыха, ни срока, как говорят, но приходилось терпеть, ибо другого выхода не было. Ухода же в отставку мое самолюбие допустить не могло.

Предложение Крыжановского меня не особенно устраивало. Но быть в составе Штаба Верховного Главнокомандующего, вблизи Великого Князя Николая Николаевича, в центре сосредоточения руководства огромной армии, где находится мозг армии – это соблазняло. Поэтому сразу без колебаний я дал свое согласие. Крыжановский выразил мне свое одобрение и предложил немедленно отправиться в место расположения Ставки Верховного Главнокомандующего. Ставка находилась недалеко от селения Барановичи в лесу, к востоку от города Минска.

*

Сборы мои были недолгие. Пожитки мои укладывались в небольшой чемодан. Чего недоставало и чем завладели немцы в Инстенбурге, я приобрел на следующий день в экономическом магазине армии и флота. Приобрел также вместо утерянного пистолета „Веблей и Скотт“ новый револьвер «Наган» российского производства.

На следующий день я ехал по Николаевской железной дороге в Тверскую губернию, в имение где тогда находилась моя семья. Встреча с семьей была радостная. Мои близкие знали об отступлении первой армии и очень опасались, не попал ли я в плен или вообще, не окончил ли свое бренное существование. Мое назначение на службу в Штаб Верховного Главнокомандующего, место - почти недосягаемое дла простого смертного, вызвало недоумение у всех моих близких и особенно смутило нашего милейшего воинского начальника, который совсем недавно намеривался отправить мена к черту на куличики в Сибирь.

Задерживаться долго в деревне я не мог. Пробыв с семьей один день, я сел на нашей железнодорожной станции в поезд и на следующий день, после многих пересадок, добрался до станции Барановичи.

Признаюсь, что ехал я в расположение Ставки Верховного Главнокомандующего не без волнения. Великого Князя Николая Николаевича очень побаивались. За ним укрепилась репутация великого крикуна. За малейшую служебную неисправность он разносил даже генералов. Помимо этого, в Штабе было сосредоточено все управление громадной армии, а это означало, что здесь находился цвет высшего офицерства Генерального Штаба. Мучил вопрос: как там меня примут? Но поскольку я решился принять предложение Крыжановского, отступать было поздно.

Со своим скромным скарбом перешел я железнодорожные пути и вышел в калитку ограды, окружавшей расположение Штаба. Повстречавшийся полевой жандарм пояснил как пройти в штабную комендатуру, куда я и направился. Там меня принял очень любезный адъютант коменданта и указал где я могу найти князя Оболенского.

Нашему отделу была предоставлена квартира офицера железнодорожного батальона. В мирное время этот батальон располагался здесь в лесу, а теперь находился на фронте. Я постучал в дверь. Отворил мне сам

князь Оболенский, несказанно обрадовавшийся моему приезду.

Персонал нашего отдела пока состоял из одного лишь Оболенского. Даже канцелярской мебели не было. В углу стояла постель, посреди комнаты простой некрашенный стол и два стула.

— Видите, - сказал Оболенский, - при таких условиях нам приходится начинать работать. А поле нашей деятельности распространяется на 33 губернии, объявленные на военном положении. Фронт наших армий простираетася от Балтийского моря до Черного. К этому надо прибавить завоеванные Галицию и Буковину. Кроме того, еще Кавказ. Но там, на занятой турецкой территирии действует Наместничество и нас кавказские дела коснутся мало. Спасибо вам за то, что вы отдали Восточную Пруссию, а то нам пришлось бы иметь дело еще и с немцами.

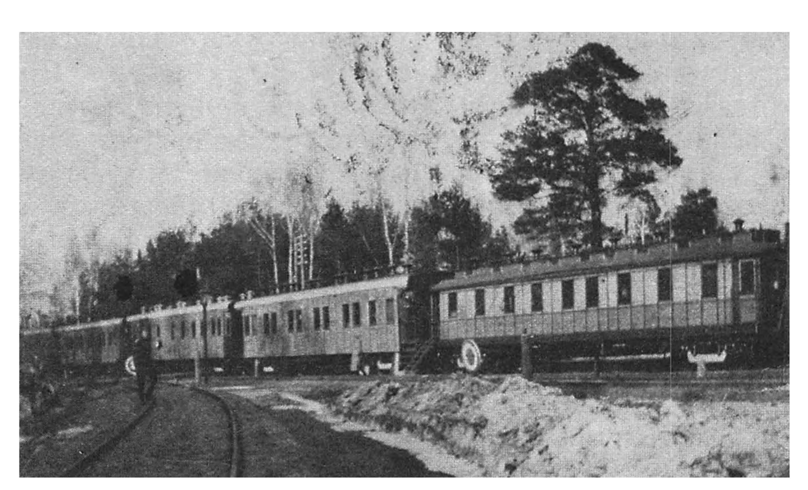
Оболченский засмеялся и продолжал:

— До моего появления здесь, все дела, переданные нашему отделу, были разбросаны по различным отделам Штаба. Совершенно случайно, особенно много дел попало дипломатам. В их канцелярии работают чины министерства иностранных дел, но большей частью, лицеисты петербургского Александровского лицея. Они прекрасно владеют иностранными языками. Но, готовясь к дипломатической карьере, они не изучали народный быт и особенности административной службы в огромной Российской Империи. Это обстоятельство и побудило Великого Князя обратиться к председателю Правительства с просьбой прислать в Ставку подходящих лиц. Накануне ко мне приходил дипломат, чтобы выяснить, что такое „жмыхи". В словаре этого слова не оказалось, поэтому не удалось перевести его на французский язык.

Итак, надо было устраиваться и начинать действовать, познакомившись предварительно с личным составом Штаба, с которым прийдется иметь дело и сотрудничать. Состав Штаба насчитывал 80 человек. Кроме

того была охрана Ставки. Это были, два гвардейских кавалерийских полка, сменявшие один другого, одна артиллерийская батарея, полевой жандармский дивизион, командир которого был комендантом Ставки. Все эти части, входившие в состав Штаба, жили своей собственной жизнью. По части питания, Штаб разделялся на две категории - старшую и младшую. Они по очереди ходили столоваться в вагон-ресторан, прицепленный к штабному поезду, который содержал татарин Байрашев. Он был содержателем всех вагонов-ресторанов скорых поездов на всех российских железных дорогах.

Следует отметить, что в Ставке на подъездных путях стояли два поезда, укрытые под огромными соснами для маскировки, на случай прилета неприятельских аэропланов. Один поезд был занят офицерами Штаба, в другом помещался Великий Князь со своей свитой, адъютантами, врачом, свитскими генералами для поручений, а также протопресвитером военного и морского духовенства, шефом всего военно-морского духовенства.

Ставка Верховного Главнокомандующего - штабной поезд

Нам отвели квартиру, потому что в поезде все купэ были заняты. Штаб Ставки включал в себя Управление генерал-квартирмейстера, занимавшегося непосредственно военными опарациями, во главе которого стоял генерал Данилов-Черный, в отличие от другого генерала Данилова-Рыжего; Управление Дежурного генерала, где были сосредоточены дела административные, военно-судная часть, материальная часть авиации и автомобильного транспорта, Управление военных сообщений, затем комендатура, дипломаты и, наконец, – мы.

Наш отдел только что образовался, еще не оформился и даже не начал действовать. Дела нас касавшиеся, были разбросаны по всем отделам Штаба. Попадали они, главным образом, к дипломатам, которые не знали и не понимали, что с ними делать и перебрасывали их куда попало. Много вопросов весьма важных и спешных, ждавших своего решения, как например, устройство управления и администрации на занятых неприятельских территориях, оставались без движения. Так, отправили дипломаты в министерство внутренних дел ходатайство военных властей о посылке в Галицию чиновников для работы в административных органах. Министерство, в свою очередь, обратилось циркулярно к губернаторам западных провинций, а те послали на занятые территории своих чиновников, которые плохо проявили себя по службе. Воспользовались случаем, чтобы от них избавиться. Таким образом, в Галиции образовалась администрация, состоявшая из никуда не годных чиновников, которые восстанавливали против нас местное население, встретившее русских солдат, как своих братьев-славян, с радостью. Все это надо было срочно исправлять. Особенно потому, что наши армии юго-западного фронта быстро двигались вперед, занимая новые территории. Увеличивалось количество пленных. Преимущественно, это были славяне. Их надо было использовать на русской территории на

полевых работах, взамен мобилизованных русских крестьян.

В 5 часов, вместе с Оболенским я отправился на обед в вагон-ресторан. В вагоне-ресторане уже собралось некоторое количество офицеров Генерального Штаба, преимущественно полковники. Стоя ожидая появления Великого Князя, они обменивались последними сообщениями с фронта. Оболенский представил меня собравшимся. Вскоре а дверях показалась фигура Великого Князя. Входя, он нагнулся, чтобы не удариться головой о притолку. За Великим Князем следовал начальник Штаба генерал Янушкевич, а за ним протопресвитор, шеф всех фронтовых священников, отец Щавельский. Великий Князь пожимал всем руки. Пожав руку Оболенскому, пожал руку мне со словами:

— А вот у нас и новенький. Откуда пожаловали?

Я объяснил в нескольких словах, как попал в Ставку. Великий Князь заинтересовался кратким описанием моих восточнопрусских приключений. Однако увидя, что все стоят, пошел к своему столу. Все присутствовавшие разместились по своим местам. Разнесли еду и начался обед, прошедший в общих разговорах.

Жили мы с Оболенским по соседству с дипломатами, которым тоже отвели пустую офицерскую квартиру. Начальник дипломатов был князь Кудашев - милейший человек, впоследствии назначенный послом в Китай. Его помошником был камер-юнкер Муравьев. Жили рядом и секретари дипломатов - Валуев и Солдатенков, бывшие лицеисты, а также принадлежащий к консульской части министерства иностранных дел Карасев, которого дипломаты держали в черном теле. С дипломатами мы сдружились, часто с ними виделись.

На следующий день по поручению моего начальника, князя Оболенского, я обошел отделы Штаба, чтобы собрать дела, подпадавшие под нашу компетенцию и познакомиться с личным составом Штаба. После обхода Управлений Штаба я принес с собой груду

бумаг, лежавших без движения, которые я повсюду собрал. Среди этих дел было много обращений к Великому Князю с жалобами жен мобилизованных в армию, в связи с невыдачей им полагающихся пособий. Великий Князь приказал обратить особое внимание на эти жалобы, приходившие из разных мест Российской Империи, писать губернаторам и в каждом отдельном случае требовать тщательного расследования. Факты невыдачи пособий семьям мобилизованных, становившиеся известными на фронте, вызывали недовольство солдат и отрицательно отражались на их морали.

Итак, работа у нас закипела. Мы сидели весь день до полуночи, разбирали бумаги, писали в Петербург и во все места России. Я довольно быстро освоил науку писания бумаг, Оболенский их подписывал. Наиболее важные составлял сам. Писали адреса, заклеивали конверты, сами по очереди ходили на полевую почту, отправляли корреспонденцию. Оболенский ходил с докладами к начальнике Штаба генералу Янушкевичу, который оказался чрезвычайно умным и обходительным офицером.

В военной среде офицеры, особенно генералы, при первой встрече оценивали своего собеседника, его вес, по погонам, количеству звездочек на них и прочих знаков на мундире. Это понятно. Почти с юношеских лет, каждый кадровый офицер носил военную форму и не снимал ее до самой смерти. В иностранных армиях офицеры одевали форму только на службе. У нас же офицерская форма не снималась ни при каких обстоятельствах, носилась всегда. В офицерской среде люди одетые в штатский костюм, выглядели как нечто серое, непонятное. Подчас офицеры к ним относились с презрением.

В моем маленьком военном и гражданском чине, я оказался самым младшим в среде высокого штабного общества и понял, что свое положение и место в нем, я должен завоевать большой выдержкой, а также дове-

рием ко мне начальства, сохраняя при этом свое достоинство человека, имеющего высшее образование. Это, конечно, не относилось к князю Оболенскому, с которым, несмотря на разницу лет, у мен»я были дружеские отношения, а к офицерскому и генеральскому составу Штаба, касалось особенно отношений с Великим Князем, который при случае разносил даже генералов в присутствии солдат.

Через несколько дней к нам явилась подмога. Из Государственной Канцелярии нам прислали двух младших чиновников, писавших на пишущей машинке с быстротой необычайной и без ошибок. Они печатали, подшивали дела и вели книги для поступающих и отправляемых бумаг и ходили на почту. Один из них был унтерофицером лейб-гвардии гусарского полка, которого сняли с фронта. Немного позже, тоже с фронта, приехал наш общий с Оболенским друг, поручик Раевский, украшенный боевым орденом Св. Владимира с мечами. С ним я провел всю войну в Ставке и он сделался моим верным помошником и заместителем, когда я был назначен на место князя Оболенского. Впоследствии в Белой Армии, на юге России Раевский вновь был моим помошником, но к великому моему горю, он скончался в Ростове на Дону, заразившись сыпным тифом. Он был мой верный друг и помошник во всех делах.

Благодаря исключительной работоспособности Оболенского, нам удалось очень быстро разобраться в куче разных дел, на нас свалившихся. Наши младшие сотрудники, имевшие канцелярский опыт, быстро привели в порядок нашу канцелярию. Но князь не давал нам отдыха.

Если кто спрашивал: „Разрешите, выйти подышать свежим воздухом“, - князь отвечал: „Дышите в форточку“. Это, конечно, была шутка. Дышать воздухом мы все же ходили.

Начальник Штаба, видевший наши успехи, относился к нам прекрасно. Великий Князь и генерал Янушкевич

очень ценили князя Оболенского как своего сотрудника и с большим трудом с ним расстались, когда он был назначен помошником Варшавского генерал-губернатора.

— У меня вырывают мой самый здоровый зуб, - сказал тогда Великий Князь.

Произошло это внезапно и на меня свалилась обязанность заменить князя до приезда из Петербурга его преемника.

Дело обстояло следующим образом. На юго-западном фронте наши войска одерживали блестящие победы. Занята была вся Галиция и часть Буковины, граничащая с Румынией. Против Германии бои шли, после наших неудач в Восточной Пруссии, с переменным успехом, почти исключительно на польской территории. Польша и поляки нам были нужны как союзники. А превратить поляков в союзников было трудно, ибо наша прежняя политика в Польше не отличалась дальновидностью и наша администрация в Польше, будучи русской, старалась проводить в местностях со смешанным населением руссификацию. В крупных центрах Польши стояли наши гарнизоны. Поляки относились к нам неприязненно. В начале войны наша польская политика резко изменилась, но поляки считали, что с нашей стороны произошло временное изменение политики и в случае военной победы России всё останется по старому. Поляки надеялись, что эта война принесет им независимость. Очень благожелательное отношение Великого Князя к полякам и даже слух, пущенный о том, что Великий Князь поддерживает кандидатуру поляка маркиза Велепольского на занятие польского трона, мало изменило отношение поляков к нам. Тем не менее, русская администрация по-прежнему правила в Польше и в Варшаве сидел русский генерал-губернатор, князь Енгалычев. Он не отличался дипломатическими способностями и ему в помошники Председатель Совета Министров, престарелый И. Л. Горемыкин выбрал по совету Крыжановс-

кого князя Оболенского, в надежде, что в нем князь Енгалычев найдет умного и надежного советника. Повидимому князь Оболенский этих надежд не обманул, ибо в Варшаве установились добрые отношения с польской аристократией.

Но все это было далеко от меня. После отъезда Оболенского, я с тревогой отправился к начальнику Штаба с моим первым докладом. Начальник Штаба генерал Янушкевич ведал всеми вопросами администрации и, следовательно, был моим непосредственным начальником. Хотя я волновался перед первым моим докладом, но поскольку я хорошо знал все наши дела, все сошло благополучно. Любезный прием у генерала Янушкевича вселил в меня уверенность, что я справлюсь с возложенными на меня задачами. Меня теперь больше волновало появление моего нового начальника, который сменит Оболенского, по всей вероятности, лица мне совершенно незнакомого.

По слухам, дошедшим до меня из Петербурга, Председатель Совета Министров Горемыкин намеривался прислать на место Оболенского товарища своего сына по лицею, некоего Черняева, племяника генерала Черняева, участника кампании известного генерала Скобелева в Туркестане. По мнению Горемыкина, это обстоятельство должно явиться хорошей рекомендацией в глазах начальства в Ставке. Такие взгляды штатских были характерны, но не соответствовали позициям, занимаемым военнам начальством, которому родственные связи не импонировали. Военные начальники хотели иметь знающих, опытных и образованных помошников. Впоследствии, в этом я мог сам прекрасно убедиться.

В один прекрасный день в наше помещение вошел господин высокого роста с маленькими усиками, державший в руке чемодан. Одет он был в походную форму со штатскими погонами собственного изобретения. Его сопровождал другой господин, которого я немного знал по Петербургу. Последний был мне известен

В Ставке. Впереди Веровный Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич

под фамилией Вендрир, а тут он оказался Немировым. Вендрир звучало по-немецки, поэтому он переменил свою фамилию.

Господин с маленькими усиками был Черняев. Он представился как мой новый начальник и представил Вендрира-Немирова нашим новым сотрудником. Это было для меня неожиданностью, ибо нашими штатами таковой предусмотрен не был. Черняев попросил меня ввести его в курс наших дел, что я охотно готов был исполнить, но со своей стороны я посоветовал ему вначале отправиться к начальнику Штаба для представления и просить его дать нужное распоряжение о его назначении, а также отдать соответствующий приказ по Штабу, без которого Черняев не имеет права подписать ни одной бумажки.

Когда все формальности были выполнены, Черняев приказал нашему секретарю приносить ему утром всю

почту, а также бумаги от начальника Штаба с его резолюциями. Получив почту, он совместно с Немировым углублялся в изучение текущих дел, нисколько повидимому не нуждаясь в моей помощи.

Так прошло некоторое время и ко мне явился мой друг и помошник Раевский. С явной тревогой он сказал.

— Ты знаешь, так не может продолжаться, сложившееся положение грозит неприятностями. У меня такое впечатление, что Черняев не разбирается в текущих делах и если начальник Штаба заметит нашу неурядицу, это неминуемо отразится и на нас.

Я сказал Раевскому, что я тоже обеспокоен положением вещей, но сделать ничего не могу. Надо спокойно сидеть и ждать.

Ко мне в кабинет явился наш старый секретарь с жалобой на Черняева. Последний явился утром в канцелярию и накричал на него за то, что он распечатал частную телеграмму на имя Черняева, поступившую, как и вся другая почта. Телеграмма была поздравительная и никаких секретов не содержала.

Из Петербурга я получил письмо, в котором меня предупреждали друзья, что Черняев перед отъездом из Петербурга заручился согласием Государственного Секретаря относительно того, что я буду отозван из Ставки, а на мое место будет назначен Вендрир-Немиров.

Это известие меня мало обеспокоило, так как, вопервых, отзыв меня из Ставки зависел не от Петербурга, а от начальника Штаба, а, во-вторых, я очень охотно отправился бы на фронт в свой полк, к чему стремился с начала войны. Однако я решил ждать, что будет дальше.

В довершение всего, к Черняеву приехала его жена, что у нас в Штабе не было принято. Сам Великий Князь не допускал проезда в Ставку своей супруги Великой Княгини Анастасии Николаевны, дочери черногорского короля Николы.

Мы с Раевским были неспокойны. Нам было ясно, что Черняев плохо разбирался в делах, прибегнуть к нашей помощи не желал и явно хотел от нас, особенно от меня, избавиться. Но как сделать это он не знал. Тревожило также присутствие в нашем отделе постороннего лица - Вендрира-Немирова, не занимавшего никакой должности.

Через некоторое время от начальника Штаба стали поступать бумаги с резолюцией: „Прошу Александра Александровича (это я) рассмотреть это дело и мне доложить“. Бумаги эти наш секретарь со злорадством приносил мне, минуя начальника. Меня же это ставило по отношению к Черняеву, в самое неловкое положение.

Я решил пойти к генералу Янушкевичу и с ним поговорить о положении дел в отделе. После отъезда Оболенского и до прибытия Черняева, примерно в течение трех недель, он выслушивал мои служебные доклады и принимал меня чрезвычайно благожелательно. Прийдя к Янушкевичу, я попросил его не ставить меня в неловкое положение по отношению к Черняеву, обращаясь непосредственно ко мне. Генерал Янушкевич заявил мне в довольно резкой форме, что ему некогда разбираться во внутренних делах штабных отделов. Он слишком занят, а выслушивать бессвязный доклад Черняева он не намерен. На том мы и расстались.

Через несколько дней Черняев уложил свой чемодан и, захватив свою жену, исчез, оставив мне в наследство господина Вендрира-Немирова, с которым я не знал что делать. Впрочем, впоследствии я устроил его секретарем к Зубчанинову, которому было поручено направление и устройство беженцев внутри страны.

После отъезда Черняева мы оказались в довольно неопределенном положении. Во-первых, наш личный состав уменьшился за счёт начальника отдела. Дел же - прибавлалось. Мы не имели ни одного дня отдыха, мне приходилось просиживать за письменным столом до

4-х часов утра. Мои сослуживцы начали жаловаться. Я решил поехать в Петербург выяснять положение. Подходил праздник Рождества и я отпросился у генерала Янушкевича отлучиться на несколько дней.

Кн. Гр.Н.Трубецкой и А.А.Лодыженский (справа) в Ставке

В Петербурге, навестив свою семью, я отправился в Государственный Совет, место моей службы в мирное время. Тут я совершенно случайно встретил своего прежнего высшего начальника, Государственного Секретаря С.Е.Крыжановского.

— А вот и вы! Пожачлуйте ко мне в кабинет, мне надо с вами поговорить, - приветствовал он меня сухо.

А в кабинете, так же сухо сказал:

— До меня дошли сведения, что вы не оказали никакого служебного содействия „нашему" Михаилу Николаевичу Черняеву. Это может отразиться на вашем служебном продвижении в будущем.

Я молча дал высказать Крыжановскому его неудовольствие, после чего, по возможности спокойно, объяснил ему положение вещей. Сказал, что наш отдел, в противоположность дипломатам, которые составляют при Штабе самостоятельную часть канцелярии министерства иностранных дел, входит в состав Штаба Верховного Главнокомандующего и подчиняется только начальнику Штаба, а следовательно все распоряжения и назначения исходят только от него. Ошибка была допущена при назначении лица на должность начальника нашего отдела, в том числе и меня, правительственными органами из Петербурга. Назначение князя Оболенского было чрезвычайно удачным, оно оказалось весьма подходящим для Великого Князя и для начальника Штаба, чего нельзя сказать про Черняева. Поэтому теперь следует искать выход из создавшегося положения. После моего объяснения Крыжановский простился со мной очень сухо и мы расстались на долгое время.

Встретились лишь в Париже. Будучи шофером такси, я стоял в ожидании пассажиров у церкви Мадлен. Мимо проходил Крыжановский, которого я остановил. Мы дружески поговорили. Прощаясь, он сказал:

— Видите, теперь шагаю. Волка - ноги кормят.

Вскоре он скончался в большой бедности.

От Крыжановского я отправился к управляющему делами Совета Министров, председатель которого, престарелый сановник Горемыкин, был покровителем Черняева. Когда я говорил с управляющим делами, в его кабинет, на мое несчастие, вошел сам Горемыкин. Он сухо сунул мне два пальца, которые я почтительно

пожал, и быстро вышел. Вероятно, он уже знал о моем разговоре с Крыжановским.

Возвратившись в Барановичи, я отправился к начальнику Штаба и передал ему содержание моих разговоров в Петербурге. Янушкевич был удовлетворен их результатом и сказал:

— Ну, прекрасно. Теперь, я надеюсь, они оставят нас в покое, не будут без спросу соваться в наши дела. Что же касается вашего отдела - оставайтесь пока его руководителем, а там видно будет. Надеюсь, справитесь.

Поблагодарив его за доверие, я попросил разрешения пополнить состав нашего отдела, в виду наплыва множества дел, требовавших быстрого решения. Янушкевич удовлетворил мою просьбу.

Я выписал с фронта моего петербургского приятеля Говорова. Он до войны был чиновником министерства внутренних дел. Призванный из запаса в офицерском чине, служил он в четвертом, Императорской фамилии, полку. Выписал также бывшего секретаря Государственной Канцелярии Нестерова, который также был призван из запаса в гусарский полк рядовым солдатом. Полученное пополнение значительно облегчило нашу работу. Приказом начальника Штаба я был утвержден в должности исполняющего обязанности начальника отдела.

Я не могу сказать, что я был в то время уверен в моих силах, в моей прогодности и опытности для выполнения нового для меня дела. Никаких инструкций не существовало, кроме скудных и общих указаний в Положении об управлении войсками, составленном Генеральным Штабом еще в мирное время. Нам приходилось решать дела гражданского управления в местностях, занятых нашими войсками в ходе военных действий. При этом, законы мирного времени, которыми руководствовались местные власти, оставались в силе. Все это надо было согласовывать с тем, чтобы по-возможности, не нарушалось мирное течение жизни местных жителей в тылу нашего фронта.

Нашими войсками была занята часть иностранной территирии, где действовали законы и обычаи иностранного государства, нарушать которые без особой надобности было нежелательно. Надо было действовать с большой осторожностью, особенно в занятой нами Галиции, где симпатии населения были на нашей стороне. Галиция была частью Украины. Дальше же, в Карпатах (Ужгород) население было частично русское, говорившее на русском языке. В мирное время находилось оно под управлением австрийской администрации.

А.А.Лодыженский (слева) с супругой и сослуживцем в Ставке

Если во время нашего наступления в Восточной Пруссии почти все население оставалось на месте и очень хорошо уживалось с нами, только администрация исчезла, то в занятой нами Галиции и Буковине дело обстояло иначе. Там австрийцы, отступая, буквально ограбили всё, что было можно. Население - украинцы и чисто русские - были очень к нам расположены и им надо было очень осторожно оказать наше покровительство. До появления нашего отдела в Верховном Штабе, к его начальнику поступали запросы гражданско-административного характера из местностей, объявленных на военном положении. Распределительный отдел Штаба не знал, что с такими запросами делать и отправлял их дипломатам. Наши дипломаты прекрасно говорили по-французски, писали ноты и обращения к иностранцам, доклады своему министру, но в вопросах внутреннего порядка были несведущи.

После отъезда Оболенского в Варшаву и всех наших внутренних историй с Черняевым, нам пришлось разбираться с делами весьма крупного масштаба. Они возникали из-за вмешательства нашего высшего духовенства в сферу, которая их, собственно, не касалась. Это вмешательство могло сильно повредить нашим усилиям, направленным на привлечение симпатий местного населения в занятых областях.

Суть была в том, что галичане и часть русских, хотя и были православного вероисповедания, находясь под австрийской католической властью, вынуждены были на литургии поминать папу римского, в связи с чем в богослужебной обрядности в храмах в Галиции, были некоторые различия, по сравнению с нашим русским православным богослужением.

С Галицией граничила русская губерния Холмская, где епархиальным архиереем был владыко Евлогий, занимавшийся не только управлением своей епархии, но избранный делегатом в Думу, интересовался вопросами политики. Как только Галиция была занята нашими войсками, владыко Евлогий, с благословления

Киевского Митрополита Антония, отправился в завоеванные местности, отвращать галичан-униатов от папской „ереси“ и возвращать их к русской православной обрядности. Действия владыки Евлогия очень взволновали местное население, особенно местное духовенство.Не имея возможности унять рвение архиепископа Евлогия, имевшего высоких покровителей, нам пришлось об этом довести да сведения Великого Князя, который посоветовал архиепископу отправиться из Галиции восвояси и заняться делами своей епархии.

Впоследствии, архиепископ Евлогий оказался архиепископом в Париже и способствовал отделению Парижской епархии от зарубежного Синода, находившегося в Сербии, во главе с Митрополитом Киевским Антонием. Архиепископ Евлогий закончил свою печальную карьеру, отправившись в составе делегации русских совпатриотов на поклон к советскому послу в Париже.

Наши армии юго-западного фронта победоносно двигались вперед. Был занят город Львов, но далеко в тылу осталась окруженная крепость Перемышль. Её окружил наш осадный корпус. Комендант крепости, генерал Кусмонсек, потерявший надежду на австрийское наступление, решил сдать крепость. Как оказалось при сдаче крепости, там был гарнизон в 117.000 человек, в три раза превышающий наши силы. Продовольствия же, защитникам крепости хватило бы надолго.

В феврале 1915 года, генерал Янушкевич, на моем очередном докладе, передал мне акт о сдаче крепости Перемышль, написанный на невзрачной бумажке, подписанный австрийским генералом Кусмонсеком и с нашей стороны, генералом Селивановым. Акт о сдаче крепости надо было привести в надлежащий вид. Это был важный документ, подлежащий хранению в архиве военного министерства. Этим поручением я был поставлен в трудное положение, так как не знал какую форму должен иметь акт о сдаче крепости. Генерал

Янушкевич меня выручил, сказав, чтобы я послал в военное министерство просьбу выслать мне копию акта о сдаче турками в Турецкую кампанию какой-нибудь крепости. Я составил акт сдачи крепости Перемышль по необходимой форме и послал его для нового подписания на юго-западный фронт. Подписанный акт был прислан мне и я решил оставить его в архиве вверенного мне отдела до окончания войны с тем, чтобы лично передать его военному министру, похвастав своими авторскими правами.

Прошу моих читателей извинить меня, если в моих записках встретятся хронологические неточности. Со времени тех событий, о которых я пишу, прошло шестьдесят лет. Для освежения моей памяти я не пользуюсь никакими источниками. Эти источники к услугам всех, кто хочет знать точные даты былых роковых событий. Я же пишу только о том, что мне лично было известно, что я слышал и лично пережил.

*

Теперь попытаюсь описать личный состав нашего Штаба. Во-первых, конечно, наш Главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич. В былое время, когда он командовал гвардейской кавалерией, он был суровый и очень требовательный командир и весь офицерский состав, включая генералов, его очень боялся. Не стесняясь, даже при солдатах, он всех разносил за малейшую неисправность или оплошность. В этом признавался даже Государь, служивший, будучи наследником, младшим офицером в лейб-гвардии гусарском полку. Тогда Великий Князь был его командиром. Теперь, конечно, взаимоотношения изменились и Великий Князь всегда подчеркивал свои верноподданические чувства по отношению к Государю.

Хотя свита Великого Князя к Штабу не принадлежала, необходимо упомянуть и её. Она состояла из двух генералов для поручений. Бывшего лейб-гусара,

генерала Петрово-Соловово и бывшего командира гвардейского казачьего полка, генерала Орлова. Первый до войны был в отставке и, по старой полковой памяти, Великий Князь зачислил его в свою свиту. Генерал Орлов отличался тем, что у него всегда в кармане была колода маленьких карт и по окончанию завтрака, он торопил прислугу убрать посуду и немедленно раскладывал пасьянс. Он был весьма симпатичный и приветливый толстяк. У чинов свиты никаких определенных обязанностей не было. Они лишь сопровождали Великого Князя каждый день на автомобильную прогулку. Надо полагать, они изрядно скучали. К свите принадлежали также адъютанты: полковники гвардейской кавалерии - граф Менгден, князь Голицын, князь Кантакузен, князь Дерфельден. При Великом Князе находился врач, следивший за его здоровьем.

Начальником Штаба был генерал Николай Николаевич Янушкевич, с которым у меня установились, после упомянутой истории с Черняевым, несмотря на разницу в годах и служебную иерархию, самые приятные, теплые отношения. Генерал Янушкевич, бывший в

А.А.Лодыенский у штабного автомобиля в Ставке

мирное время начальником Российского Генерального Штаба, был моим непосредственным начальником в Штабе Верховного Главнокомандующего. От него я получал, во время моих докладов, соответствующие указания, на моих бумагах он ставил свои резолюции.

У Янушкевича был адъютант Тундутов, ротмистр лейб-гусарского гродненского полка. Этот офицер был калмык и пользовался величайшим почтением у своих сородичей-калмыков. Он был чем-то вроде „божества“ у них. К нему приезжала калмыцкая делегация. Делегаты стояли на коленях перед вагоном, в котором жило их „божество“. Они привезли ему калмыцкую юрту, убранную внутри роскошными коврами. В этой юрте после завтрака спали адъютанты Великого Князя, что однажды послужило поводом для крика.

Великий Князь после завтрака собрался на прогулку в автомобиле. Сопровождать Великого Князя должен был на этот раз князь Дерфельден. Его нигде не могли найти. Через некоторое время он вышел из юрты с подушкой под мышкой.

— Я вас научу служить! - кричал Великий Князь и осыпал несчастного адъютанта градом ругательств.

Когда они уселись в машину, Великий Князь вынул портсигар и, в знак примирения, угостил Дерфельдена папиросой. Великий Князь был большой крикун, но, выругав кого-либо, быстро отходил.

Ротмистр Тундутов, попав позднее в эмиграцию, собрал своих сородичей и образовал из них отряд, который англичане приняли в состав английской колониальний армии. По неизвестной причине служба у англичан вскоре кончилась и тогда Тундутов решил ехать со своими калмыками в Россию, где у власти уже были большевики. В Ревеле, куда они приехали, им дали билеты на поезд, шедший в Петербург, но на границе все они были арестованы и, по-слухам, расстреляны.

Для охраны Ставки поочередно присылались на отдых полки гвардейской кавалерии с фронта. Были лейб-гусары, стояла конная гвардия, сильно потрепан-

ная и измученная в Восточной Пруссии в составе 1-й армии. На пополнение прибывали новобранцы, В Барановичах на плацу их гонял будущий командующий Добровольческой Армии, барон Врангель. Он командовал запасным эскадроном. Я бывал в офицерском собрании этого эскадрона, который находился в помещении железнодорожного батальона. Там встречал петербургских знакомых, друзей и сослуживцев. После отдыха караульные полки при Ставке сменялись. Бессменной была лишь артеллерийская батарея, поставленная для обороны на случай налета неприятельской авиации.

Из личного состава Штаба упомяну только тех лиц, с которыми я имел деловые отношения или с которыми у меня за время моего трехлетнего пребывания в Ставке, установились дружеские связи. Начну с Управления генерал-квартирмейстера, которое считалось главным отделом Штаба. В этом отделе сосредотачивались дела, касавшиеся чисто военных операций. Управление имело соответствующие представительства в штабах фронтов, армий, корпусов, дивизий и полков. В Управлении генерал-квартирмейстера были сосредоточены дела разведки, контрразведки, топографии и продвижение офицеров Генерального Штаба по службе. При Управлении находился телеграф с прямым проводом ко всем фронтам и к столице. Этим телеграфом могли пользоваться по служебным надобностям начальники других отделов, в том числе и я. Мне неоднократно приходилось приглашать из Петербурга к аппарату начальника Штаба по делам, требующим спешного решения, во время моих служебных поездок в столицу.

В Управлении генерал-квартирмейстера у меня установились дружеские отношения с полковниками Мухановым, Тихобразовым и Стаховичем, о которых я сохранил добрую память. Старшим офицером в Управлении и правой рукой генерала Данилова был полковник Щелоков - личность высокомерная, довольно неприятная в обращении. Вероятно, он мнил о себе очень

много, считал себя чуть ли не Наполеоном. Сослуживцы называли его – „Ванька-Каин“. Во время переезда в Могилев он куда-то исчез, говорили, что получил в командование полк. Будучи уже в эмиграции в Париже, я прочел в газетах о том, что среди высшего состава советского Генерального Штаба, находился генерал Щелоков, Весьма вероятно, что это был мой старый знакомый – „Ванька-Каин“.

Вторым наиболее важным отделом нашего Штаба было Управление Дежурного генерала. Во главе этого Управления стоял генерал Кондзеровский. С ним у меня сложились самые лучшие отношения. Не было случая, чтобы мои представления получили отказ с его стороны. Но в этом Управлении был у меня и недоброжелатель – полковник Балашев. У него были не в порядке голосовые связки и когда он говорил, то испускал какие-то хриплые и шипящие звуки. За это ему дали прозвище – „хрипач“. Все назначения на административные должности, а также на армейские должности офицеров, не принадлежащих к Генеральному Штабу, проходили через „хрипача“. С его стороны я часто встречал противодействия, ибо он, вероятно, считал, что занимаемая им должность обязывала его, прежде всего, противодействовать. Мне приходилось жаловаться на него генералу Кондзеровскому. Генерал мне говорил: „Ну, кажется, Балашев выскочил из оглобли“.

Дело улаживалось, Балашев скрипел зубами.

Управление Дежурного генерала занималось самыми разнообразными делами. Автомобильным транспортом и его материальной частью ведал полковник Генерального Штаба Гаслер. Полковник Немченко, сам авиатор, ведал аэропланами и всей администрацией воздухоплавания. Отмечу еще моего самого большого приятеля, полковника Барсова, сидевшего за нашим столом в вагоне-ресторане.

Генерал Ронжин возглавлял Управление путей сообщения. Главной службой этого Управления был отдел железных дорог, ведавший перевозками войск, военных

материалов, снабжением армии продовольствием и всем необходимым. В этом отделе работали инженеры путей сообщения во главе с чрезвычайно умным и знающим инженером Шуберским, тоже моим большим приятелем.

Когда я ездил в Петербург повидать своих (что бывало очень редко), или по служебным надобностям, я пользовался особым вагоном первого класса, который прицеплялся к очередному поезду. Для этого надо было накануне заказать себе место в отделе Шуберского.

Начальник Управления путями сообщения генерал Ронжин был впоследствии замещен георгиевским кавалером генералом Тихменевым, чрезвычайно строгим и требовательным, которого на железных дорогах боялись как огня.

Следует упомянуть и морской штаб, который тоже входил в состав Ставки. Его возглавлял вначале адмирал Ненюков, отличавшийся большой сонливостью и неповоротливостью, что не мешало ему приволакивать за немногими нашими штабными дамами. Он был большим сластеной и неизменно поедал у одной из дам сладости, которые ей преподносил другой ухажер, состоявший при отделе дипломатов. Когда мы стояли в Барановичах, состав морского штаба был очень маленький. Кроме Ненюкова было еще два-три морских офицера. В Могилеве он несколько разросся. На место Ненюкова был назначен начальник Главного Морского Штаба адмирал Русин. К Штабу прикомандирован был Великий Князь Кирилл Владимирович и с ним несколько других морских офицеров.

В свободное время вечерами я иногда заходил в морской штаб. Моряки были очень гостеприимны, угощали вкусным ужином с водкой. После ужина играли в бридж и моим партнером бывал Великий Князь Кирил Владимирович. С моряками у меня установились дружеские отношения, вероятно, потому, что

на флоте, на Балтийском море служил мой двоюродный брат, которого там очень любили.

Коротко остановлюсь на описании личностей иностранных военных представителей, которые находились при Ставке. Францию представлял выходец одной из самых именитых фамилий французской аристократии, генерал Де ла Гиш. Это был высокий дородный мужчина, седой, с подстриженными седыми усами, носивший форму французского Генерального Штаба. После отречения Государя он немедленно покинул Ставку. Затем - английский генерал, тоже старой формации, покинувший нас после революции и написавший впоследствии толстую книгу своих воспоминаний, содержанием которой воспользовался американский писатель Роберт Масси для своей очень хорошей книги „Николай и Александра".

При Ставке находился сербский полковник Ландкевич. Он великолепно говорил по-русски и даже нельзя было подумать, что он иностранец. Уже во время пребывания в Ставке он был произведен в полковники. В сербской армии полковники носили на штанах красный лампас, такой, какие у нас носили тилько генералы. Своими лампасами Ландкевич очень гордился.

Был при Ставке японский полковник. При разговоре с Государем он вдыхал громко в себя воздух, который исходил изо рта Государя, в знак особого уважения. У каждого народа - свои обычаи! Был и молодой американский офицер, не говоривший ни слова по-русски. Его не было видно, ибо он целыми днями скакал верхом по окресностям...

Стояла глубокая осень 1914 года, приближались праздники Рождества Христова. В это время в моей семье произошло большое событие - у меня родилась дочь. От жены я получил запрос, как назвать новорожденную? Мои сослуживцы создали совет и после долгого изучения имен в календаре, остановились единогласно на имени Марина. Таким образом, у меня теперь было две дочери - Ольга и Марина.

Весной 1915 года на фронте было тихо. Приближалась святая Пасха Христова с весенней чудесной российской погодой. Ставка располагалась в лесу,под покровом огромных сосен, издававших смолистый аромат. Снег постепенно таял, и там, где совсем недавно мы для моциона бегали на лыжах, начала пробиваться молодая зеленая травка.

Из Царского Села приехал проведать нас Государь Император с маленькой свитой. Приехал также престарелый председатель Совета Министров Горемыкин, не благоволивший ко мне из-за истории с Черняевым. Он был так стар и слаб, что мы шутя говорили, что в автомобиль его наливают ложками. Чтобы не портить ему настроения, я на глаза ему не показывался.

Летом нас постиг тяжелый удар. Едва началось немецкое наступление по всему фронту, выяснилось, что у нас не хватает военного снаряжения, особенно снарядов для полевой артиллерии, а также винтовок. Пришлось отдать приказ артиллерии экономить снаряды, не расходовать более пяти снарядов в день на орудие. И это в то время, когда неприятель засыпал наши позиции снарядами.

Следует отметить, что перед войной комиссия Генерального Штаба под председательством генерала Забудского решила, что в случае войны, для полевой артиллерии будет, на первое время, достаточен запас в размере трехсот снарядов на орудие. Перешедший же на нашу сторону, бывший главнокомандующий болгарской армии, генерал Радько Димитриев, утверждал, основываясь на своей собственной практике, полученной во время столкновения болгар с сербами, что для большой войны трех тысяч снарядов на орудие окажется мало. Генерала Димитриева не послушали и возник кризис, которого не ожидали. Кроме того, не ожидали, что будет нехватать винтовок. Приобрести винтовки заграницей оказалось невозможным, ибо там не нашлось винтовок нашего калибра. Лишь в Мексике

удалось закупить 25.000 винтовок, но это была - капля в море.

*

В августе 1915 года Государь Император принял на себя Верховное Командование. Начальником Штаба был назначен генерал Алексеев. К лету 1916 года наша армия достигла больших успехов на фронте, не в последнюю очередь благодаря умелому руководству высшего состава Ставки во главе с генералом Алексеевым. Эти успехи вселяли надежду на скорое окончание войны и при том, окончание победное.

Австро-Венгрия, а за ней и Турция, были почти выведены из строя наших противников. Оставалось сломить совместно с нашими союзниками - Францией и Англией и вступившей в войну Америкой, сопротивление Германии.

В августе 1916 года я получил приглашение через придворного курьера явиться в 3 часа в дом занимаемый Государем и царской свитой. Тут я вспомнил, что исполнился год со дня вступления Государя в Верховное Командование. Приглашение, вероятно, было с этим связано.

Облачившись в походную форму и нацепив все полученные с начала войны русские и иностранные ордена, я отправился в дом, занимаемый Царем и его свитой. Там я встретил своих сослуживцев по Штабу, начальников отделов Штаба.

Быстрыми шагами к нам вышел Государь. Мы выстроились, он с нами поздоровался и обратился к нам с кратким приветственным словом.

— Сегодня исполняется год как я счел своей обязанностью принять Верховное Командование нашей доблестной армии. За этот истекший год, благодаря мудрому руководству нашего высшего командования, благодаря доблести нашего офицерского состава и жертвенной храбрости наших воинов, наша армия не

Заседание Штаба Верховного Главнокомандующего под председательством Е.И.В. Государя Императора НИКОЛАЯ II

только отразила врага и остановила наступление германской армии, но и нанесла такое поражение Австро-Венгрии и Турции, что австрийская и турецкая армии утратили совершенно свою боеспособность. Сегодня я прогласил вас сюда для того, чтобы отметить эту годовщину и поблагодарить вас за ваши труды и содействие, оказанное вами нашему Начальнику Штаба, уважаемому Михаилу Васильевичу Алексееву. Победа над врагом в этой войне, не нами вызванной, близится и наша родина ваших трудов не забудет. Благодарю вас, господа.

Свой ежедневный доклад генералу Алексееву, помня о его чрезвычайной перегруженности, я старался по возможности сокращать. Являясь к нему к пяти часам, я обыкновенно заставал его за чаепитием. Это был его отдых. Он приглашал меня к чаю и за чаем я, помня, что чаепитие - его отдых, старался его развлечь расказами, ничего общего с делами не имеющими.

Однажды, перед моим докладом Начальнику Штаба, ко мне явился помошник галицийского генерал-губернатора Евреинов, резиденция которого находилась в городе Черновицах, на румынской границе. Карьера Евреинова была довольно оригинальная. Кончив военное училище, он увлекся церковной деятельностью и был в Казанском соборе в Петербурге диаконом. Потом стал секретарем министра финансов и позднее служил в администрации вице-габернатора в городе Калуге. Во время войны он был помошником генерал-губернатора А.Ф.Трепова в Черновицах. О Трепове я уже упоминал. В Вильно он мне помог в санитарном поезде добраться в Восточную Пруссию.

Евреинов мне рассказал, что у них в Галиции в Карпатских горах имеется Белокрининский монастырь, где живут монахи-старообрядцы, эмигранты из России. Они имеют большой лесной массив. Начальник галицийских железных дорог купил у монахов лес на большую сумму для железнодорожных надобностей. За этот лес он не заплатил, в расчете, что весной австрийцы перей-

дут в наступление, займут монастырь и таким образом деньги останутся у него в кармане.

Поскольку я собрался с докладом к генералу Алексееву, я взял с собой Евреинова и представил его генералу, которому он изложил все дело. Я никогда не видал генерала Алексеева в таком состоянии гнева. Лицо его налилось кровью, он так покраснел, что я боялся, что с ним случится удар. Он крикнул своему секретарю:

— Вызовите ко мне немедленно генерала Ронжина, начальника военных сообщений. Чтобы он явился немедленно!

Ронжин явился через четверть часа. Встал в струнку, отчетливо стукнув каблуками. Генерал Алексеев стал кричать:

— Я ваших инженеров прикажу перевешать!

Он передал Ронжину рассказ Евреинова и приказал немедленно произвести расследование, после чего приказал:

— А теперь можешь идти и мне доложишь о результатах расследования.

Мне было очень неловко перед генералом Ронжиным. При мне Алексеев накричал на него - моего товарища по Штабу - отчасти по моей вине. Конечно, Алексеев никого вешать не собирался, это было сказано в сердцах.

Через некоторое время генерал Алексеев получил благодарственное письмо за быстрое выполнение ходатайства касательно железнодорожных дел от генерала Трепова из Черновиц, с просьбой камандировать меня в Буковину и Галицию для инспекции нашей администрации и вообще для получения представления о положении дел в завоеванном крае. Мне эта поездка очень улыбалась. Она представляла собой некоторое отвлечение от сидячей жизни в Штабе. Генерал Алексеев дал мне поручение отправиться в путь. Единственно, я немного опасался, справится ли мой ближайший сотрудник, Раевский с текущей работой,

хотя я был уверен, что он приложит для этого все усилия, тем более, что он был очень неглупый, образованный юрист.

Мне предоставили отдельный вагон, который прицепили к очередному поезду в направлении на Киев, и я отбыл, удобно устроившись на ночлег. В Киеве, на следующий день, меня встретил мой приятель по Штабу, инженер Шуберский, назначенный начальником Киево-Воронежской железной дороги. Провожая меня для дальнейшего следования, он приказал прицепить мой вагон к поезду, который направлялся через нашу бывшую границу с Австро-Венгрией в Черновицы, столицу Буковины. В дороге, на одной из станций, наш поезд осадила толпа пассажиров, искавших возможность проехеть в Буковину и Галицию. Ко мне подошел проводник моего вагона и спросил как быть. Толпа может ворваться в поезд. Я разрешил принять в мой вагон офицеров, возвращавшихся в армию из отпуска, и сестер милосердия.

Веселая толпа молодежи заняла мой вагон, оставив мне мое ложе. Один молодой офицер поместился против меня и оказался приятным собеседником. Это был офицер Бугского кавалерийского полка, Гудима Левкович. В общем, создалась приятная компания молодежи. Было очень весело, пели хором русские песни. А Гудима мне признался:

— А нам сказали, что в вагоне едет сердитый старый сенатор и нам приятно было встретить молодого приветливого хозяина вагона.

На пограничной с Буковиной станции произошел небольшой эпизод, который хочу отметить. В мой багон вошел железнодорожный служащий с большой корзиной, в которой оказалось белое вино местного производства. На мой удивленный вопрос, что это означает, проводник мне сообщил, что это подарок мне по случаю моего приезда, однако ему приказано не называть фамилии лица, его преподносящего. Совершенно ясно было от кого я получаю этот презент. Это был,

конечно, подарок от того начальника дороги, на которого жаловался Евреинов. Но прямых доказательств у меня не было и я был в очень трудном положении. Принять вино, означало получить подарок от проворовавшегося инженера. Отказаться - означало, сделать подарок железнодорожному служащему, который бы випил со своими друзьями это вино и никто не узнал бы, что принял это вино не я. Поэтому я решил отправить этот подарок буфетчику генерал-губернатора под расписку и потом рассказать об этом случае генералу Трепову, что и сделал. Когда я рассказывал об этом случае Трепову, за обедом у него, мы много смеялись, а генерал мне поведал, что начальник дороги был уволен от должности по получению телеграммы из Ставки.

После деловых разговоров, генерал Трепов предложил мне совершить поездку по Галиции и Буковине на автомобиле. В провожатые мне он дал своего военного помошника, генерала Усова. С ним мы поехали в путешествие по всему краю. По дороге беседовали с представителями нашей администрации и местным населением завоеванного края. Все местные жители говорили по-русски и выражали удовольствие тем обстоятельством, что вместо австрийской власти пришли мы.

В городе Станиславове мы остановились на несколько дней. Это был довольно крупный центр и комендант отвел нам квартиру отсутствующего австрийского полковника, очень хорошо обставленную, на четвертом этаже дома европейского стиля. Из окна открывался великолепный вид на далекую равнину, где вились и уходили вдаль наши окопы. Против наших окопов находились австрийские окопы. Я заметил коменданту, что австрийской артиллерии ничего не стоит выпустить два-три снаряда и уложить нас на месте. Ведь в городе наверное есть австрийцы, которые сообщили о нашем присутствии куда следует. Комендант рассмеялся и уверил нас, что австрийцы стрелять определенно не будут, т.к. квартира принадлежит авс-

трийскому полковнику, командиру полка, который находится в окопах как раз против нашего дома.

В Станиславове жизнь текла как в мирное время. Рстораны были открыты, там наши офицеры питались под музыку примитивных оркестров. Вечером однако все замирало и на улице были слышны только шаги патрулей.

Из Станиславова наш путь лежал в горы на восток, ибо мне хотелось заехать в местечко Пугач, где находился штаб седьмой армии. На дороге в гору мы застряли. Дорогу занесло снегом и колеса нашей машины вертелись на месте. В это время австрийцы заметили нас и пустили несколько шрапнелей в нашу сторону, что напугало моего спутника, да и меня, поскольку находились мы в беспомощном положении. Снаряды ложились на дорогу. Наконец, наш шофер набросал ветвей под колеса автомобиля и мы смогли двинуться вперед. Доехали до Пугача, где был расположен штаб седьмой армии. Там мы нашли квартиру генерала Головина, начальника штаба армии, который нас любезно встретил и узнав о нашем приключении, немедленно распорядился засыпать дорогу песком. Наше дальнейшее путешествие продолжалось благополучно.

Генерального Штаба генерал Головин сделал блестящую карьеру. Впоследствии он командовал соединенными силами румынской и русской армий на румынском фронте. Уже за границей стал известен как военный писатель и его книгами пользовались при изучении истории первой мировой войны.

После этого путешествия мы вернулись в Черновицы. На следующий день я отправился обратно в Могилев. Мой вагон прицепили к очередному поезду через Киев. В пути у меня оказался неожиданный спутник, дипломат. Сын бывшего министра иностранных дел, камер-юнкер Муравьев. Он попросил меня взять его в мой вагон. Зачем он ездил в Буковину, мне выяснить не удалось. После прихода к власти большевиков,

я его еще встречал в Москве, во время моей командировки из нашей Добровольческой Армии, и как не уговаривал я его уезжать вместе со мной из Москвы, он не уехал. Он остался в Москве, чтобы лично наблюдать чем кончится советский эксперимент. Новой властью он был арестован, сослан на дальний север в советский лагерь, потом был расстрелян.

В нашем путешествии он оказался приятным собеседником, очень образованным, рассказывал много интересного из своей дипломатической практики.

*

По моему возвращению в Могилев, меня застал очень сильный удар. Перегруженный работой, генерал Алексеев заболел и должен был отправиться на отдых в Севастополь. Перед отъездом Государь спросил его, кого он может рекомендовать себе заместителем на время лечения. Алексеев указал на двух кандидатов, предоставив выбор Государю. Это были - генерал Драгомиров и генерал Гурко. Государь выбрал генерала Гурко, который до этого командовал западным фронтом, т.е. группой четырех армий, стоявших в средней части нашего фронта против германцев. Ни того, ни другого генерала мне не приходилось встречать, но я знал, что оба они были сыновьями двух известных генералов. Отец генерала Драгомирова был Киевским генерал-губернатором и командующим Киевским военным округом, славился своим независимым характером и был очень ценим Императором Александром Третьим. Отец генерала Гурко командовал очень удачно армией во время турецкой кампании. Оба кандидата на временное заместительство генерала Алексеева отличились с начала войны своими выдающимися военными заслугами. По частным сведениям, Драгомиров обладал довольно своенравным характером. Что же касается генерала Гурко, он был моим земляком, помещиком Тверской губернии и членом нашей

дворянской семьи и неизменно приезжал на наши дворянские собрания. Конечно, назначение генерала Гурко мне доставило большое удовольствие, что и подтвердилось при моем первом докладе. Меня лишь несколько удивило его заявление, что свое пребывание в Ставке он считает временным, а поэтому брать на свою ответственность важные решения без предварительного доклада Государю, он не может, т.к. они могут не соответствовать предварительным решениям, принятым ранее, согласно мнению генерала Алексеева.

Была осень 1916 года. До нас дошли сведения из Петербурга, что в столице не все благополучно и готовятся какие-то волнения политического характера. И это в то время, когда после многих неудач на фронте, генералу Алексееву удалось установить в армии порядок, снабжение всем необходимым стало поступать в армию регулярно, общее наступление совместно с нашими союзниками, обещало быть победоносным, и все сулило на будущий год конец войны. Поэтому внутренние политические волнения были совершенно несвоевременны, особенно в столице, где формировалась активная оппозиция и усиливалась деятельность, направленная против правительства и, что хуже всего, против царской власти, главным образом, против Императрицы, которая фактически заменяла Государя, в виду его отъезда, и распоряжалась под влиянием Распутина по вопросам привлечения на ответственные должности, в том числе на посты министров, сновников. На эти посты попадали недостойные лица, к коим относится и министр внутренних дел Протопопов.

По нашим сведениям, в Петербурге образовался блок, состоящий из некоторых видных государственных деятелей умеренного политического направления, членов Государственной Думы, Государственного Совета, которые организовали кампанию против такого порядка вещей, главным образом, против Протопопова. Прогласив его на заседание они предложили ему ультиматум, немедленно освободить пост министра, предос-

тавив его более подходящему лицу. Протопопов согласился с этим требованием, но после заседания немедленно отправился к Распутину, который довел это до сведения Государыни. Протопопов остался на посту министра внутренних дел, что, конечно, вызвало взрыв общего возмущения.

Надо заметить, что Протопопов был в свое время избран депутатом в Государственную Думу и потом был в самой Думе выбран помошником Председателя, и никто до его назначения министром, не замечал его умственной дефективности. Но как только он, благодаря сомнительной протекции, попал в министерское кресло, он сделался сразу нежелательным. Не без основания, так как стало известным, какой именно протекции он обязан своим назначением.

*

В начале войны патриотический подъем не оставлял места для надежд революционных партий на успех их пропаганды. Весь народ в порыве патриотизма был объединен в одном стремлении отразить врага, объявившего нам войну и напавшего на нашу родину. Война однако затянулась и только в 1916 году стало ясным, что при существовавшем соотношении сил, победа Германии проблематична. Ее ресурсы как в людях, так и в материальных средствах почти истощились, тогда как восточный фронт, то есть русский, становился все более грозным. Русские заводы начали изготовлять в достаточном количестве снаряды, которых так не хватало в 1915 году. В случае победы России революционные организации должны были оставить надежду произвести переворот. Патриотический подъем в результате победы помешал бы развитию какой-либо революционной деятельности.

14 февраля 1916 года в Нью-Йорке состоялся конгресс русских революционных партий. Присутствовало 62 делегата, из коих 50 были ветераны революции, участ-

вовавшие в попытке свержения государственного строя в России в 1905 году.

Некоторые из прибывших в Нью-Йорк деятелей были уже давно в сношениях с Яковом Шиффом и его банком. Делегаты конгресса обсуждали возможности повторения попытки 1905 года. Оглашенные на конгрессе сведения, поступившие из России, указывали, что, в общем, создавшееся там положение этому благоприятствует. Народ устал после долгой, изнурительной войны. Миллионы призывников из запаса за отсутствием достаточного числа офицеров были недисциплинированны, являли хорошую почву для агитации. Неосторожные речи депутатов Государственной Думы, искавших дешевой популярности, настраивали народные массы против правительства. Конгресс принял решение возобновить революционную пропаганду. Оставалось найти для этого необходимые средства. Тогдашняя политическая эмиграция не была богата, а посылка нескольких сотен агитаторов в Россию была сопряжена с большими расходами. Конгрессу не пришлось долго останавливаться на этом вопросе, так как некоторые делегаты заверили, что необходимые средства будут найдены. Нужная сумма, вне зависимости от ее величины, будет предоставлена людьми, сочувствующими революции в России. При этом упоминание имени Шиффа вызвало бурю восторженных приветствий.

Примерно в то же время для установления более тесной связи с союзниками за границу отправилась делегация наших парламентских деятелей во главе с руководителями самых главных, представленных в Государственной Думе, партий, партии октябристов и конституционно-демократической партии (кадетской) — Протопоповым и Милюковым. Протопопов был тогда товарищем председателя Государственной Думы. Эта делегация была принята английским парламентом и королем Великобритании.

Наши парламентарии пришлись очень по вкусу английским, ибо те никак не ожидали встретить таких

культурных людей среди представителей восточной варварской страны, да еще говорящих без акцента по-английски. Милюков и его однопартийцы принадлежали к политическому течению, соответствовавшему правящей в Англии либеральной партии, во главе которой стоял Ллойд-Джордж. Король пришел в восторг от Протопопова с манерами настоящего джентльмена и безукоризненным английским языком. Протопопов произвел такое хорошее впечатление на короля, что последний не преминул написать нашему Государю об этом и поблагодарил его за визит таких блестящих политических деятелей, даже посоветовал нашему Императору воспользоваться услугами такого выдающегося человека, каким ему представился Протопопов, поручив ему самые ответственные обязанности.

На обратном пути Протопопов отстал от делегации в Швеции, где ему было устроено свидание якобы с советником германского посольства Лициусом. Этому Лициусу было поручено из Берлина интересоваться русскими делами. Он возглавлял специальное учреждение, куда входили представители германского генерального штаба и где охотно принимались наши революционеры. Это учреждение на конспиративном языке носило название — ,,зеленые''.

Вместо Лициуса на свидание с Протопоповым явился некий Варбург, которого однако Протопопов принял за Лициуса. Чтобы было понятно почему Варбург пожелал беседовать с Протопоповым, надо знать кто такой Варбург. Варбургов было трое, три брата. Два из них, Павел и Макс, управляли в Гамбирге банком „Макс Варбург“, а третий — Феликс был компаньоном Якова Шиффа в Нью-Йорке. Феликс одновременно был зятем Шиффа, а Павел был женат на родственице Шиффа. Таким образом, интерес, проявляемый Варбургами в русском деле, становился простым семейным делом. Свидание же с Протопоповым имело целью определить степень пригодности его заниматься русскими государственными делами с точки зрения этого почтенного семейства.

По-видимому Протопопов произвел приятное впечатление на Варбурга, но несколько в другом смысле, чем на английского короля. Необходимо припомнить, что Протопопов был довольно видной фигурой в общественных кругах и в Государственной Думе, и, помимо всяких давлений внешних и внутренних, его назначение на крупный пост давало основание полагать, что это может удовлетворить неспокойную либеральную общественность. К тому же в общении он был чрезвычайно приятным человеком и никто не мог себе представить, что у него начиналось умственное расстройство. Поэтому Государю нельзя ставить в вину недостаточную осторожность в выборе кандидата на пост министра внутренних дел, которым был назначен Протопопов. Все данные говорили за то, что это хороший выбор. Последующее развитие событий показало, однако, обратное. Как только Протопопов получил назначение на пост министра внутренних дел, либеральные круги и, в частности, часть Государственной Думы перешли в оппозицию к нему и начали его травить. За Думой последовала печать и все общественное мнение. Другая же часть общества не без основания считала его неспособным справиться с трудными обязанностями главы ответственного министерства, особенно в военное время.

Сам Протопопов усугубил своим странным поведением это к нему отношение. Он явился в Думу в мундире жандармского чиновника, что привело в неистовство господ депутатов. А в его умственной неуравновешенности я мог убедиться сам, когда он просил меня оказать ему содействие перед Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего о производстве его в чин генерал-майора.

*

В начале 1917 года в Ставке были получены сведения об интенсивной подготовке восстания в Петербурге. Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Гурко, временно замещавший заболевшего генерала

Алексеева, находившегося в Крыму, поручил мне отправиться в Петербург и выяснить в министерстве внутренних дел, какие меры принимаются для оказания соответствующего противодействия революционным планам.

Прибыв в столицу, я прежде всего отправился на квартиру министра внутренних дел, где в приемной встретил чиновника по особым поручениям при министре, моего товарища по Училищу правоведения по фамилии Андро де Гюи Гянглад, которого в училище мы в насмешку над его иностранной фамилией окрестили: Андро де Гюи Гянглад — сант Рафаель, лучший друг желудка, чему он был очень недоволен и сердился на нас. Тут же в приемной я встретил своего другого товарища — Кривцова, который был назначен вице-губернатором в одну из прибалтийских губерний и пришел, чтобы представиться министру по своей должности.

Я объяснил, что приехал в Петербург по важному делу по поручению Начальника Верховного Штаба и прежде всего должен видеть министра, о чем прошу доложить. Андро открыл дверь в комнату смежную с кабинетом министра, где я увидел целую „звездную палату" высших чиновников министерства в парадной форме с лентами, звездами и орденами, ожидавших приема министра. Они сидели в креслах и терпеливо ждали возможности принести свои поздравления министру по случаю Нового года. Было 10 часов утра и Андро мне объяснил, что у министра в данное время сидит профессор медицины, по-видимому психиатр и надо ждать. Я сел в углу и стал читать газету. Ждали мы долго, пробило одиннадцать, потом двенадцать, лишь в час распахнулась дверь и показался сияющий любезностью и приветливостью министр, извиняющийся перед присутствующими за долгое ожидание.

Ввиду позднего часа министр отложил прием и пригласил нас всех к завтраку, и мы отправились в столовую, где стол был накрыт по расчету на всех гостей в парадных мундирах, при лентах и орденах.

После завтрака, которому я был очень рад, ибо с утра ничего не ел, министр пожал руки знатным гостям, еще раз поздравил их с полученными наградами и с Новым годом и, пожелав им всего хорошего, подошел ко мне. Он взял меня под руку и повел в какую-то уютную комнату, предложил мне сесть в кресло и задал вопрос о причине моего приезда. Я ему изложил, какие вопросы в данное время интересуют Начальника Штаба. И тут я убедился в расстройстве умственных способностей Протопопова. Он прервал меня и спросил: „Как отнесется армия, если будет издан закон о даровании евреям равноправия!?"

Я ему на это ответил, что не уполномочен Начальником Штаба высказываться по столь важному государственному вопросу, но если ему угодно выслушать мое личное мнение, то я думаю, что 17 миллионов офицеров и солдат русской армии занимает в данное время мысль, как скорее разбить врага и покончить с войной, а не заниматься государственными вопросами, не имеющими прямого отношения к нашей главной цели.

— А скажите, — продолжал он, — если заменить в учреждениях Земского и Городского союзов служащих, обслуживающих армию, правительственными чиновниками. Как мне докладывали, туда проникли революционно настроенные элементы, ведущие среди солдат революционную пропаганду.

Этот вопрос снова поставил меня в очень трудное положение, так как впоследствии на мои ответы мог указывать министр в разговорах с кем-либо в Думе, в Совете министров или даже во время докладов у Государя. Я лишь заметил, что Земский и Городской союзы, получая крупные правительственные субсидии (до 400 миллионов в триместр) развили широкую сеть своих вспомогательных, весьма полезных, организаций при армии почти с самого начала войны. Вряд ли можно их личный состав заменить чиновниками, совершенно незнакомыми с разносторонней деятельностью организаций союзов. Конечно, в личный состав союзов проникли революционные

элементы, возможно, занимающиеся политической пропагандой, но это дело военной полиции их изъять. Во всех армиях мира, кроме нашей, эта полиция существует. Создать же военную полицию в короткий срок нельзя, об этом надо было думать в мирное время. Теперь можно бороться с этим злом лишь с помощью печати, создав политическую солдатскую газету, широко распространив ее в армии.

На этом я расстался с Протопоповым, полный уверенности в недоброкачественном состоянии его умственного аппарата. В его голове была невероятная путаница всевозможных представлений, и мне оставалось только обратиться непосредственно к руководителям органов государственной охраны.

В Департаменте полиции мне сообщили, что им известна конспиративная квартира, где происходят совещания революционного штаба. Эта квартира, между прочим, изображена на картине, выставленной ныне в Третьяковской галерее. Жандармскими офицерами была снята соседняя квартира. В стене были проделаны незаметные отверстия и установлены микрофоны.

Из стенографических записей всех разговоров революционный план был известен. Впоследствии этот план был приведен в исполнение. Но так как некоторое число заговорщиков были членами Государственной Думы, Департамент полиции и Петербургское Охранное отделение не решались предпринять против них меры полицейского характера без соответствующих указаний министра внутренних дел. Все полицейские рапорты по этому делу регулярно предоставлялись министру Протопопову. Но все они бесследно исчезали в недрах министерского кабинета, и министр на них не реагировал.

Все это было мною доложено Начальнику Штаба генералу Гурко, который тогда же обратился к военному министру, указав на необходимость вывести из Петербурга все запасные части, заполнявшие казарменные помещения, освободившиеся от частей столичного гар-

низона, находившихся на фронте. Эти запасные части являлись главным объектом революционной пропаганды с раздачей пропагандистами солдатам денег и обещаний в случае переворота заключить с немцами мир, так что не придется идти на фронт. Военный министр генерал Беляев это представление отклонил, ссылаясь на недостаток казарменных помещений вне столицы.

Чтобы было ясно, куда направлялась революционная пропаганда, необходимо несколько слов сказать о том, какие цели ставили себе революционеры после свержения существующего государственного строя. В России организованных революционных партий было сравнительно немного и все они были представлены депутатами в Государственной Думе. Если начать справа налево, то первой следует назвать партию конституционно-демократическую или, как ее называли „кадетскую". Партия эта состояла по преимуществу из буржуазных элементов, с большой примесью еврейской буржуазии и интеллигенции. Она стремилась к устройству демократического образа государственного правления, при избираемом парламентом правительстве и превращении императорской власти в чисто номинальную, по примеру Англии, или же созданию Российской республики, по примеру Франции. Председателем этой партии был известный профессор П. Милюков. Программа этой партии привлекала к себе, главным образом, либерально-состоятельный слой русского населения. Временное правительство, образовавшееся после февральской революции, было составлено в большинстве своем из представителей этой партии. В этом составе оно просуществовало всего три месяца, показав свою полную несостоятельность и неопытность в делах государственного управления и неспособность удержать власть в своих руках. Устроить свои дела, доставить удовольствие Шиффу и вместе с тем сохранить существовавший социальный порядок „кадетам" не удалось.

В начале марта 1917 года революция казалась законченной и Яков Шифф по этому поводу отправил ми-

нистру иностранных дел Милюкову следующую приветственную телеграмму: „Позвольте мне, как непримиримому врагу тиранической автократии, поздравить Вас и при Вашем посредстве русский народ по случаю блестяще совершенного подвига и пожелать Вам и Вашим товарищам полного успеха". Эта телеграмма была опубликована в американской печати 10 апреля 1917 года.

Телеграмма эта не вызывает удивления, ибо Милюков был личным другом Якова Шиффа. В ответ последовала телеграмма Милюкова от имени Временного правительства: „Нас с Вами объединяет общая ненависть и антипатия к старому режиму, ныне свергнутому".

Эта победа над ненавистным режимом в России стоила Шиффу, по его собственному признанию, 12.000.000 долларов.

Революция началась 26 февраля 1917 года, когда революционеры начали приводить свой, заранее подготовленный план в исполнение. На улицы вышла многотысячная толпа. Впереди были пущены женщины и дети, кричавшие: „Хлеба... хлеба... хлеба", хотя нехватки хлеба не было. Демонстрация все увеличивалась, но поначалу носила скорее мирный, даже веселый характер. Вскоре к толпе присоединились вышедшие из казарм запасные солдаты, потом рабочие петербургских заводов. Начались грабежи оружейных магазинов и казенного оружейного арсенала, а также некоторых казенных зданий. Для охраны городского порядка в столице находилось 7.000 полицейских, разбросанных по всему городу, которых поодиночке хватали и убивали. Сопротивление оказать было некому, и правительственная власть потонула в море бушующей толпы, а господа министры скрылись. Город в течение трех дней находился во власти черни.

По примеру столицы то же произошло в Москве и прочих больших городах России. Очевидно, все было заранее подготовлено и роли распределены заблаговременно, что было бы совершенно невозможно при нали-

чии готового к проведению энергичных мер министра внутренних дел.

Ввиду наступившей полной анархии в столице, грабежей и убийств и отсутствия какой-либо власти председатель Государственной Думы Родзянко телеграфировал в Ставку с просьбой прислать в Петербург популярного в армии и стране генерала, который смог бы взять в свои руки власть, не с целью совершения контр-революции, а исключительно для наведения порядка. Выбор пал на бывшего главнокомандующего генерала Иванова, отличившегося в начале войны при нашем наступлении на юго-западном фронте против австрийцев. Генерал Иванов был самого простого происхождения, его отец был простым солдатом. В распоряжении генерала Иванова было 700 человек Георгиевского батальона из Ставки и несколько подразделений с северного фронта, ближайшего к Петербургу.

Прибыв, однако, во главе этого отряда в Царское Село, Иванов получил телеграфное распоряжение от Государя никаких военных действий в столице не предпринимать во избежание пролития крови.

Тем временем Государю в г. Пскове, где он находился и где располагался штаб Главнокомандующего северным фронтом генерала Рузского, двумя членами Государственной Думы, прибывшими из Петербурга, Гучковым и Шульгиным, был предъявлен ультиматум об отречении от престола, который он вынужден был подписать. Возвратившись в свою Ставку уже частным лицом, Государь собрал нас и обратился к нам с прощальным словом. На глазах у всех были слезы.

Если раньше центр тяжести государственного управления находился в Ставке, то теперь он перенесся в Петербург, где образовалось Временное правительство, состоявшее из умеренно-либеральных элементов с одним представителем социалистов — Керенским. Временное правительство стало распоряжаться самовластно, назначая и увольняя чинов высшего командного состава. В течение первых же недель военным министром, штат-

ским человеком, Гучковым было уволено со службы 160 старших начальников. Несомненно, что в числе уволенных были и плохие начальники, но их было немного и увольнение было произведено, главным образом, под давлением солдатских комитетов, которые образовались сразу во главе с Петроградским Советом Рабочих и Солдатских депутатов, куда постепенно проникли германские агенты с заданием во что бы то ни стало развалить русскую армию.

Название „депутат", конечно, было фикцией. В Совет входили крайние элементы, захватившие право командовать и выступать от имени революционной массы, своими демагогическими приемами и крайними лозунгами.

Вскоре давление на Временное правительство оказалось настолько сильным, что умеренным элементам пришлось из него уйти и власть перешла к социалистам, во главе с Керенским. Власть эта, конечно, была эфемерной, так как действительная власть сосредоточилась в руках Совета рабочих и солдатских депутатов и солдатских комитетов на фронте и в запасных частях. Фактически военное командование было лишено возможности распоряжаться, не спросив мнения и даже согласия заседавших в этих советах и комитетах. Положение командования сделалось совершенно невозможным, хотя новое правительство на словах обнадеживало верховное командование и Керенский на фронте перед солдатами произносил речи, призывая проявить революционные патриотические чувства, но фактически он находился под контролем главного Совета. Когда в июле большевики попытались совершить переворот, окончившийся неудачей, арестованные его участники, в том числе Троцкий, были немедленно выпущены на свободу.

Официальная формулировка прокурора Петроградской Судебной Палаты по поводу июльского восстания была следующей: „С первых же дней организация Ленина в целях способствования находящимся в войне с

Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошла с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации Русской армии и тыла для чего на полученные от этих государств денежные средства организовала пропаганду среди населения и войск... а также в тех же целях в период времени 3—5 июля организовала в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти*.

Согласно пункту шестому „Декларации прав солдата", изданной военным министром Керенским в мае 1917 года, все без исключения издания должны были беспрепятственно доставляться адресатам. Широкой волной хлынула в армию издаваемая на немецкие деньги агитационная литература.

Деморализация и анархия в армии достигли гигантских размеров. Ни о каком продолжении войны не могло быть и речи. Дезертиров к концу лета насчитывалось около двух миллионов. Неугодные солдатам ко-

---

* В своих воспоминаниях немецкий генерал Людендорф пишет: „Нужно было организовать пропаганду, предназначенную для быстрейшего развития в русской армии пацифистских настроений". Для выполнения этой задачи в середине апреля 1917 г. через Германию, по распоряжению германского генерального штаба, из Швейцарии в Россию был перевезен Ленин. Германский генеральный штаб правильно оценил роль, которую могли сыграть во взбудораженной революцией России Ленин и его товарищи. Эту роль можно уподобить распространению микробов опасной заразной болезни в ослабленном человеческом организме. В данном случае организм был социальным, затронутый небывалой войной. Прибытие Ленина в Россию должно было служить распространению заразной болезни.

Воспоминания Людендорфа совершенно определенно подтверждают сказанное. Автор их указывает, „что немцы обязаны победе, которую они одержали летом 1917 г. под Тарнополем, большевикам, развалившим русскую армию". Указывая на успех разрушительной работы большевиков, Людендорф пишет, что он вполне отдавал себе отчет в той опасности, которую представляет собой подобный метод борьбы для самих центральных держав. „Наше правительство, послав Ленина в Россию, — пишет Люден-

мандиры по постановлению солдатских комитетов отстранялись от своих должностей, даже избивались. Офицерский состав армии превратился в мучеников своего долга. Были брошены лозунги немедленного прекращения войны и насильственного раздела помещичьих земель, а также немедленного повышения заработной платы рабочим.

В августе 1917 года создалось такое положение, что Верховному командованию пришлось решать вопрос — либо немедленно на любых условиях заключить с неприятелем перемирие, либо взять государственную власть в свои руки с помощью воинских частей, сохранивших еще подобие воинской дисциплины. Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов принял второе решение.

Вернусь несколько назад, а именно, к первому периоду после февральской революции. Когда власть взяли умеренные элементы, положение в России начало вызывать беспокойство у наших врагов. Новые правители России говорили о своем горячем желании продолжать войну до победного конца, ничего правда не предпринимая против дезорганизации армии. На фронте некоторым генералам удавалось сохранить, несмотря на образовавшиеся солдатские комитеты, минимум дис-

---

дорф, — взяло на себя огромную ответственность. Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения — нужно было, чтобы Россия пала''.

Германский генеральный штаб приложил значительные усилия для обеспечения успеха большевиков. Поэтому деятельность последних в период, предшествовавший октябрьскому перевороту, очень тесно переплеталась с работой немецких тайных агентов. В Ставке Верховного Главнокомандующего имелись материалы, серьезно обвинявшие в этом Ленина и уличавшие Раковского в шпионской деятельности в пользу Германии.

Милюков, министр иностранных дел Временного правительства, а поэтому хорошо знакомый с создавшейся в то время обстановкой, приводит в своей книге указания на получение Лениным в сентябре 1917 года 207.000 марок, а Троцким 400.000 марок из вражеского источника.

циплины в вверенных им частях, что позволяло даже кое-где переходить в наступление. Это не могло не тревожить противника и совершенно естественно, что он пришел к выводу, что если Временное правительство не могло служить послушным орудием в руках пораженческих элементов, то от него надо избавиться и заменить его более сговорчивыми людьми. А такие люди были. Они составляли левое крыло революционных партий. И они пошли навстречу пожеланиям врагов России. Во главе их были Ленин и Троцкий. Последний был выслан из Франции за пораженческую агитацию среди наших частей на французском фронте. Он издавал в Париже листок под названием „Наше слово", который любезно отправлялся на фронт полевой почтой. Троцкому удалось получить значительные средства на свою работу. В воспроизведенной в американской печати телеграмме, помеченной Стокгольмом от 21 сентября 1917 года, адресованной Троцкому говорится, что банк „Макс Варбург" открыл ему кредит „на расходы по его предприятию".

Будучи высланным из Франции, Троцкий отправился в Америку и после устройства там своих дел, направился в Россию на пароходе. На высоте Галифакса он был арестован английскими властями как известный германский агент. Под арестом он оставался недолго. Получивший известие об аресте Троцкого министр иностранных дел Временного правительства Милюков обратился в английское посольство с просьбой об его освобождении. Троцкий был немедленно освобожден и благополучно прибыл в Россию.

После удаления умеренно-либеральных элементов из Временного правительства во главе с князем Львовым и Милюковым, последний обратился к своим единомышленникам с письмом, которое в подлиннике хранится в моем архиве как документ, свидетельствующий о настроении людей, давших свое согласие на совершение революции и участвовавших в ней. Привожу выдержку из этого письма.

„В ответ на поставленные вами вопросы, как я смотрю на совершенный нами переворот я хочу сказать... того, что случилось мы, конечно, не хотели... Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета, что громадную разруху в армии остановим быстро, если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, поплатимся за свержение царя лишь некоторой отсрочкой этой победы. Надо сознаться, что некоторые, даже из нашей партии, указывали нам на возможность того, что произошло потом, да и мы сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии... Что же делать, ошиблись в 1905 году в одну сторону, теперь опять, но в другую. Тогда не оценили сил правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов. Результаты вы видите сами.

Само собой разумеется, что вожаки Совета рабочих депутатов ведут нас к поражению, финансовому и экономическому краху, вполне сознательно. Возмутительная постановка вопроса о мире без аннексий и контрибуций, помимо полной своей бессмысленности, уже теперь в корне испортила отношения наши с союзниками, подорвала наш кредит. Конечно, это не было сюрпризом для его изобретателей. Не буду излагать вам, зачем все это нужно было, кратко скажу, что здесь играли роль частью сознательная измена, частью желание половить рыбу в мутной воде, частью страсть к популярности. Конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность лежит на нас.

Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота было принято нами вскоре после начала войны, вы знаете также, что наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования. Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать свое согласие на производство

переворота, понимаете также, каково должно быть мое внутреннее состояние в настоящее время. История проклянет вождей, так называемых, пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю.

Что же делать теперь, спросите вы. Не знаю, т. е. внутри мы все знаем, что спасение России — в возвращении к монархии, знаем, что все события последних двух месяцев явно доказывают, что народ не способен был принять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие, голосующие за республику, делают это из страха. Все это ясно, но признать этого мы не можем. Признание есть крах всего дела, всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями.

Признать не можем, противодействовать не можем, соединиться не можем с теми правыми и подчиниться тем правым, с которыми долго и с таким успехом боролись, тоже не можем. Вот все, что я могу сейчас сказать".

Вернусь к решению генерала Корнилова. Надо сказать, что генерал Корнилов, сам левых взглядов, не намеревался свергать или уничтожать Временное правительство. Он хотел лишь переформировать его для создания твердой власти и освобождения его от зависимости и безответственного влияния Совета Рабочих и Солдатских депутатов, влияния, ведшего прямым путем к военному поражению и полному государственному краху.

Генерал Корнилов не доверял своим ближайшим сотрудникам по штабу, начальником которого был генерал Лукомский. Он не посвятил никого в подробности своего плана. Он советовался с посторонними лицами, преимущественно штатскими. Корнилов принял решение двинуть в сторону Петрограда 3-й Конный Корпус под командой хорошего боевого генерала Крымова. Вся подготовка движения корпуса была настолько плохо продумана, что дело бесславно провалилось и генерал

Крымов, после бурного объяснения с Керенским, покончил жизнь самоубийством.

После этого провала все верховное командование во главе с генералом Корниловым и все работники штаба были арестованы. Керенский назначил следственную комиссию для расследования преступных намерений „заговорщиков" и объявил себя Верховным Главнокомандующим.

Все стремительно покатилось в пропасть, и через два месяца большевики без особых усилий повторили свою попытку переворота и свергли бесславное и бессильное правительство и захватили власть. Керенский, переодевшись в женское платье, позорно бежал.

Заключенных „заговорщиков" удалось освободить и они отправились на Дон, где и начала формироваться Добровольческая Армия из офицеров и солдат, оставшихся верными своему Отечеству и воинскому долгу.

*

В мирное время русская армия состояла приблизительно из 700-800 тысяч военнослужащих при 30.000 офицерах. Во время войны армия возросла примерно в двадцать раз, впитав в себя всех годных к военной службе, состоявших в запасе, кадровых офицеров. Был призван также младший командный состав, отбывший воинскую повинность. Были призваны и штатские, имеющие среднее и высшее образование. Дла них были открыты ускоренные офицерские курсы. В общей сложности, на армейские командные посты во время войны, потребовалось примерно 300.000 старших и младших офицеров.

В отношении сословного происхожденя, призванных на военную службу и проходящих через военные курсы, преобладал крестьянский элемент, в пропорциональном соответствии сословного распределения всего населения России. Так, на одном из курсов одной из армий, на 1000 курсантов, которых готовили на прапо-

рщиков, около 700 происходило из крестьян, 200 из купцов, мещан и рабочих и лишь 40 из дворян.

Повышенная во время войны потребность в ителлигентных силах во всех областях государственной деятельности, привела к возникновению в среде самой интеллигенции, тенденции уклонения от службы в армии. Всякое лицо, имевшее какое-либо образование, получало возможность устройства в тылу. Вследствии этого, ни в одном из воевавших европейских государств не создавались столь благоприятные условия , для уклонения интеллигенции от военной службы в действующей армии, как у нас. Это, в свою очередь, привело к тому, что в состав младших офицеров войсковых частей действующей армии, приходил только тот интеллигент, который устоял от искушения окопаться в тылу. Таким образом, в среде молодого поколения нашей интеллигенции возник, своего рода, естественный отбор, наиболее патриотического и жертвенно настроенного элемента, который и собирался в виде младших офицеров в действующей армии.

После бегства Керенского и захвата власти коммунистами, Верховным Главнокомандующим русской армии оказался некий прапорщик Крыленко, который от имени России обратился по радио к германцам с предложением перемирия. После длительных переговоров и ультимативного наступления германцев, 3 февраля 1918 года Ленин с Центральным Комитетом большевиков, принял условия германского ультиматума.

Этот договор приводил к отторжению от России – Финляндии, Украины, Крыма, Прибалтийского края, Литвы, Польши, Грузии, Батума, Карса и Ардагана. Этим договором Россия отрезалась от Черного моря и Балтийского, лишалась жизненно необходимых условий для своего экономического развития, теряла обороноспособные рубежи. Культурные и промышленные центры России, практически отбрасывались назад к началу XVII века, Россия теряла всё, что было ею приобретено за три столетия.

В экономическом отношении на Россию легли непосильные тяготы, так как был восстаноален договор с Германией 1901 года с изменениями в пользу Германии. Обусловлена была уплата убытков, понесенных при революции или по советскому законодательсгву, лицам немецкого происхождения, и в скрытом виде наложена была контрибуция в 8 миллиардов золотых марок. Все огромные военные материалы на территории, занятой немцами, переходили в их собственность. Россия обязаласъ демобилизовать армию, разоружить флот и до выяснения всех условий перемирия, немцы могли занять весь Западный край да линии Нарва-Гатчина. Освобождались все неприятельские военнопленные, которые могли быть отправлены на западный фронт, а в оккупированных немцами областях, русские должны были работать на немцев в рабочих дружинах, становясь в положение рабов.

Договор этот был подписн в Брест-Литовске от имени советского правительства Троцким, который отправился туда во главе внушительной делегации, в которую, между прочим, входили от Главного командования полковник Генерального Штаба М.П.Склалон и капитан первого ранга Альтфатер. После подписания этого договора, полковник Склалон вышел в соседнее помещение и там застрелился.

Русские офицеры готовы были перенести дальнейшие жертвы и унижения своего офицерского достоинства, если бы была малейшая возможность спасти свою родину от позора - позора, которого не видела Россия за все время своего тысячелетнего существования. Но Брест-Литовский договор такую надежду отнимал и если бы, в конечном результате, победа не была бы достигнута усилиями западных союзников, этот договор и, может быть, с еще худшими условиями, лег бы тяжелым бременем на наше отечество. Короче говоря, Россия перестала бы существовать под иноземным игом. Этого русское офицерство, сознательно относившееся к своему воинскому долгу, перенести не

могло. Оно встало на путь борьбы за честь и достоинство своей родины.

Ядром Белых армий явилось то самое офицерство, под водительством старших начальников, о которых говорилось выше. На Дону, куда стекались русские офицеры, совместно с казаками было организовано сопротивление теми людьми, которые были готовы во имя блага своей родины, жертвовать собственным благополучием. Три года боролась Добровольческая Армия за честь своего отечества, но лишенная поддержки и при равнодушии западных держав, она должна была покинуть родные пределы.

Письма
и
документы

Письмо **А.А.Лодыженского А.Ф.Керенскому**
2 октября 1917 г.

Милостивый государь, Александр Федорович!

Господин Вырубов, согласно Вашим указаниям, мне передал, что в виду моего участия в выступлении генерала Корнилова, дальнейшее состояние мое в составе чинов Штаба не представляется возможным.

Должность свою я уже сдал фактически до этого заявления, которое вполне совпало с моим желанием, так как до сего времени я не могу усвоить Вашей новой правительственной системы управления темными народными массами при посредстве обращений без соответствующих санкций, которые приняты кодексом нашего уголовного законодательства. Эти обращения оставались населению непонятными и в большинстве оставлялись без внимания. Издание подобных обращений, как я понимаю, объясняется нежеланием Правительства по обстоятельствам собственной слабости делать нажим другими естественными административными путями в видах общегосударственных на проявления вытекающие из классовых демократических интересов и ведущие к развалу фронта и страны! Отчасти такое удивительное построение внутренней политики объясняется опасением Правительства впасть в какие-либо ошибки по незнанию техники управления государственной машиной.

Представленные, однако, мною Начальнику Штаба разновременно в течение лета, главным образом при ген. Брусилове рапорты и ходатайства об увольнении от должности оставлялись без удовлетворения, каковое обстоятельство мне было удивительным, так как

официальным рапортом генералу Алексееву присягу Временному Правительству а отказался принимать, а поездка моя в качестве помошника ген. Иванова по гражданской части для усмирения возникших 27 февраля беспорядков в Петроград, поставила меня в ряды т.н. контр-революционеров, которых так опасается новая российская власть.

Прежний состав Правительства с князем Львовым во главе, насколько мне удалось усвоить, питал надежды на пробуждение национального самосознания, когда само общество без всякого давления со стороны власти, вступит в борьбу с анархистскими проявлениями и само подведет фундамент в виде опоры для правящей власти. Быть может, предположения эти были вполне правильные, но путь этот доступен лишь в мирное время, когда можно спокойно взирать в течение неопределенного времени на все „исторические моменты" развития революции, когда внешний враг не употребляет всех усилий, дабы вывести из строя, хотя бы одного могучего противника и когда армия его агентов не работает при огромных денежных средствах, над разрушительным делом внутри страны и в тылу армии.

Когда я был осведомлен в канун августа о Ваших, совместно с генералом Корниловым, предположениях избрать иной путь для создания твердой власти – у меня явился проблеск надежды и теперь, при полном моем сочувствии намеченным предположениям, мне остается только пожалеть, что Вы к этому отнеслись с излишней внимательностью, а генерал Корнилов с крайним легкомыслием.

Передав с душевным облегчением и спокойной совестью при настоящих обстоятельствах служебные обязанности, я считаю возможным для себя, обратиться к Вам с настоящим письмом.

Я обращаюсь к Вам, как к лицу, к которому до событий, связанных с выступлением генерала Корнилова, патриотически настроенная часть русского общества, относилась как к человеку чести и нацио-

нального самосознания и на котором русские люди, в настоящем смысле этого слова, останавливали свое внимание, как на деятеле, способном вывести, в силу чистоты помыслов и идейности в убеждениях, страну после мрачных дней Штюрмера, Протопопова – на путь спасения. Ваши действия и слова дышали искренностью и гонимая Вами т.н. „буржуазия", гонимая по соображениям политическим, предав забвению свои личные интересы, свою личную гордость и самолюбие, готова была идти за Вами даже как за вождем обновленной нации, лишь бы Великая Россия, которую перо истории ныне готово вычеркнуть из списка европейских держав, сохранила бы свое могущество.

Ваше участие в деле Корнилова, а главное, последующие действия, эту уверенность поколебали. Есть основания предполагать, что Вы действовали под влиянием побуждений честолюбивого свойства, что Вы в силу ошибочности Ваших предположений о желании генерала Корнилова захватить власть и не имея склонности уступить её или делить с кем бы то ни было – пошли по пути рискованной политической эквилибристики и опираясь на чернь, отнеслись с одобрением к брошенным в толпу безответственными лицами, заведомо ложным демагогическим лозунгам, послужившим основанием для бессмысленного обвинения генерала Корнилова.

По прибытии Вашем в Ставку, Вы заявили, что выступление генарала Корнилова послужило поводом к возникновению новых анархических проявлений в стране, отбросив на три меаяца созидательную работу „государственного строительства" – Вашего государственного строительства – и „гальванизировало" умиравшие безответственные организации (сов. раб. и крест. депутатов). Совершенно не соглашаясь с Вашей точкой зрения, я самым решительным образом утверждаю, что это ложь и что до последнего времени действия Правительства находились под ближайшим контролем и руководством тех самых организаций, о которых

Вы говорили и куда широкой волной с первых дней революции влились элементы антигосударственные, действовавшие по собственным превратным побуждениям, для личной выгоды или под влиянием германской политики на денежные средства неприятельских держав!

Такая зависимость не оправдывалась ни государственной необходимостью, ни так называемой ответственностью Правительства перед народом, так как эти организации не являются полномочным народным представительством, не оправдывалась и наличность в распоряжении организаций грубой силы, так как со всякой силой, направленной к разрушению государства, государственная власть обязана бороться до последней крайности.

Усиление анархических проявлений явилось следствием не выступления генерала Корнилова, а противодействия, оказанного этому выступлению Правительством в Вашем лице. Вы боролись с генералом Корниловым и тем самым подчеркнули свою полную солидарность с организациями и свое отрицательное отношение к намерениям генерала Корнилова, восстановить твердую власть и боеспособность армии..

Вы лично ведь не сомневаетесь в честности и порядочности намерений генерала Корнилова, не сомневаетесь в преданности его родине и, конечно, у Вас не может быть никаких подозрений на его счет в смысле предположений его отечественного предательства. Я лично в этом уверен, так как за то время, которое я имел честь прослужить под его начальством, я достаточно хорошо ознакомился с его личностью. На Вас лежат, по всем этим соображениям, теперь тяжелые обязательства перед Родиной и историей, употребить все усилия, чтобы извлечь честное имя генерала Корнилова из той грязи, куда Вы же его затоптали. Если, по мысли господина Филоненко, который берет на себя смелость в настоящее время читать рефераты по поводу выступления, после той гнусной роли, которую

он в нем играл, для спасения имени генерала Корнилова и его жизни, потребуется обвинить его сотрудников в так называемой контрреволюции, я первый готов пойти в число обвиняемых и пожертвовать собой и своим именем в глазах правящей ныне черни, так как мнением этой черни не дорожу и в среде её дешевой популярности, из побуждений революционно-честолюбивого свойства, не ищу.

Не желая утомлять более Вашего внимания, в заключение считаю своим долгом, если Вы сочтете возможным отнестись к настоящему письму моему не как к неуместному обращению к представителю высшей правительственной власти, Вам напомнить, что и в прежние времена, власть не могла изменить образа мыслей и побуждений лиц, преданных своему Отечеству и скорбивших об его участи. При представлении моем перед отъездом Николаю Николаевичу Духонину, которого я глубоко уважаю за его самоотверженность, он мне сообщил, что Вы все силы направляете ныне к воссозданию армии.

Суждения, изложенные в настоящем письме, разделяются огромным кругом лиц и сомнения на Ваш счет Вы сможете рассеять лишь в том случае, если Вы действительно сумеете найти выход, найти средства для спасения Отечества и дадите уверенность, что с врагами Родины не будет заключен преждевременный и позорный мир, вызванный давлением обстоятельств.

Если уверенность эта, которая в настоящее время отсутствует, появится, я не сомневаюсь в том, что многие пойдут на новые жертвы, которые принести сейчас неспособны.

Примите уверение в соответствующем Вашим действиям уважении и таковой же преданности.

А.Лодыженский.

Могилев, 2 сентября 1917 года.

Письмо генерала **Алексеева** из Ростова на Дону в Москву **А.А.Лодыженскому**

Генерал Алексеев
Добровольческая Армия

Милостивый Государь
Александр Александрович.

Прошу Вас довести до сведения Начальника Французской военной миссии, что Добровольческая Армия, исполняя частную свою задачу по очищению Кубанской области и Ставропольской губернии от большевиков, достигла к 13-ому июля старого стиля следующих результатов:

1) Заняты станицы Тихорецкая, Кавказская, Кущевка.

2) Частями Армии, оперировавшими в Ставропольской габернии, занят город Ставрополь и приступлено к очищению части этой губернии.

3) С 13-го июля старого стиля началась операция против Екатеринодара, занятие которого является делом ближайших дней. Войска большевиков, хотя численно и значительные, но нравственно надломлены. В ближайшем будущем будет нанесен удар на Армавир, один из центров господства большевиков. Таким образом в самом недалеком будущем Добровольческая Армия будет в состоянии приступить к исполнению своей основной задачи - выходу на общерусский театр действий. Прикидывая время на окончательное выполнение операции на Кубани и вероятно Тереке, а также на переброску и сосредоточение войск для действия против Царицына, совместно с Донскими казаками, я считаю, что до начала операции против Царицына

пройдет от сегодняшнего дня две с половиной - три недели. Учитывая вполне всю трудность этой операции, так как Царицын является оплотом и руководящим центром для большевизма всего Юго-Востока, я считаю совершенно необходимым для ускорения и облегчения выхода Армии на Волгу деятельную помощь со стороны групп, ведущих борьбу с большевиками на участке Волги от Самары до Царицына. Особенно полезно могло бы быть наступление Уральских казаков на Саратов и Камышин и чехо-словаков от Сызрани на Пензу одновременно с действиями Добровольческой Армии, каковое наступление не даст возможности большевикам перебросить значительные резервы к Царицыну.

Ввиду необходимости строжайшей тайны в этом деле, прошу Вас о вышеизложенном никому кроме начальника французской военной миссии не сообщать, не делая исключения и для Национального Совета.

Ко времени отправления моего письма о согласии принять на себя главное руководство всеми группами, действующими против германо-большевиков, пришло известие о том, что союзники выдвигают на руководящие роли А.Ф.Керенского, уже блестяще доказавшего свою полную несостоятельность в деле управления государством, благодаря полному отсутствию подготовки как ума, так и характера. Если известие это имеет под собой реальную почву, то передайте представителям союзников, что я считаю, что главным образом А.Ф.Керенскому обязана Россия уничтожением своей государственности, и я почту своим долгом **совершенно отказаться от всякой военной и политической деятельности и никоим образом не допущу своего сотрудничества с разрушителем моей Родины**. Это решение мое бесповоротно и никаких отступлений от него я не сделаю

Вообще же, как я это говорил в кратком моем извещении, только на началах широкой самостоятельности и подчинения всех наличных сил, возможно

появление лица, объединяющего работу разнородных элементов на широком фронте. Всяческое вмешательство и стремление к руководству со стороны многочисленных групп и различных „центров“ поставит командующего в невыносимо трудное положение и бесконечно затруднит выполнение им его и без того тяжелой работы.

Эта самостоятельность должна быть поставлена основным требованием будущей организации управления и без ясно и определенно выработанных условий, прибытие не только мое, но и всякого другого лица, будет **бесполезным**.

Примите уверения в совершенном уважении.

Генерал от инфантерии
Мих. Алексеев

13-го июля 1918 года
ст. Тихорецкая, № 103

Письмо ген. **М.Алексеева**
А.А.Лодыженскому
(не датированное)

Александру Александровичу Лодыженскому.

Я уполномачиваю Вас передать представителям Французской Миссии в Москве, что я принимаю предложение взять на себя командование Волжским фронтом. Я выеду тотчас как только будет технически подготовлен мой приезд. Район куда я предполагаю прибыть точно будет сообщен Вам дополнительно. Я изберу какой-либо из пунктов, в который, как Вами указывается в последнем письме, назначены представители Франции. Об этом моем решении Вам надлежит поставить в известность те общественные круги, относительно которых Вы признаете нужным это сделать.

Ген. Алексеев

Письмо генерала **В.Никольского** б. Начальника штаба Корпуса жандармов и товарища министра внутренних дел **А.А.Лодыженскому**

20 ноября 1918 г.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Пользуясь оказией хочу написать Вам несколько строк. Как Ваше теперь самочувствие? Как идет выздоровление? Получили ли Вы письмо от Александра Ив., в котором он делает оценку моей миссии. Он её признал в общем неудачной, сказав, что я, если бы был тонким политиком, должен был заявить всюду о том, что А.И. болен испанкой в тяжелой форме, что как только он начнет поправляться, то немедленно приедет, а затем, не задерживаясь ни одного лишнего дня, я должен был скорее уезжать от Вас. Думаю, что эти его соображения не совсем отвечают обстановке, ибо тогда, когда мы с Вами вели все переговоры, вопрос об А. уже, повидимому, был предрешен, значит А.Ив. должен был приехать значительно раньше меня.

В настоящую минуту Ал. Ив. находится в Яссах; я его жду в начале следующей недели; таким образом его возвращение окончательно поможет ему разобраться в общей обстановке и нарисует ему более или менее верную картину. Во всяком случае, я должен отметить, что Ал. Ив. крайне неприятно, что по стечению обстоятельств, письмо Мих. Вас. своевременно к нему не попало (на днях только он получил копию его через М.Вл.Олф.), и это он переживает теперь очень мучительно.

Здесь сейчас обстановка очень запутанная. Гетман открыто, наконец, объявил о своей великорусской ориентации, но, к сожалению, усилия многих сейчас направлены к тому, чтобы так или иначе свалить власть

его, а чем заменить эту власть - никто не знает. Очевидно, многие упускают из виду, что лучше довольствоваться хоть какой-либо, так или иначе сложившейся властью, нежели изобретать неизвестую новую, которая несомненно вызовет новые потрясения страны. Настроение Украины в общем страшно нервное и неустойчивое. Произошло выступление Петлюры, Винниченко и Ко, которое сразу всколыхнуло всю Украину и показало, что, к сожалению, на местные войска (национальные) надеяться нельзя, ибо здешняя гвардейская (сердютская) дивизия разбежалась, а частью даже перешла к большевикам. Беспорядки на севере (в Конотопе), юге (Фастов и Казатин) еще не ликвидированы, но я полагаю, в ближайшие дни будут ликвидированы. Все это лишний раз только подтверждает, что надо всячески поддерживать местную власть уже существующую, а значит и гетманскую, раз он встал рьяно на великорусскую ориентацию, иначе даже на Украине подымется анархия, а затем выясняется и другой факт - вряд ли местные войска будут способны вести серьезную борьбу с большевиками без поддержки (вкрапления) иностранных войск.

Из Совдепии приходят самые мрачные вести; от своей семьи не имею никаких известий, что меня, конечно, очень тревожит.

У вас, повидимому, идет формальное паломничество, знатные иностранцы следуют друг за другом.

Буду очень рад, если Вы черканете несколько строк Александру Иванов. или мне, переслав письмо с оказией.

Прошу передать самый сердечный привет Марии Дмитриевне.

Будьте здоровы. Сердечно жму Вашу руку. Искренно преданный и уважающий Вас

В.Никольский

Письмо генерала **Алексеева** Донскому Атаману **А.П.Богаевскому**.

Генерал Алексеев
Добровольческая Армия
19 12/VIII8
№ 96

Милостивый Государь
Африкан Петрович

Для Вашего сведения сообщаю Вам, что к вечеру 12-го июля положение на фронте Добровольческой Армии представляется в следующем виде:

1) Судя по перехваченной радиотелеграмме большевиков, Ейск очищен и советской властью и советскими войсками и можно расчитывать без сопротивления будет взят нашей конницей.

2) Часть наших сил направляется на Тимашевский железнодорожный узел для действия оттуда против Екатеринограда с северной стороны.

3) Главная масса войск на Екатеринодарском направлении своими передовыми частями заняла станицу Пластуновскую примерно в 30 верстах от города Екатеринодара. Постоянный гарнизон Екатеринодара не превышает полутора тысяч человек, но в настоящее время через город проходят многочисленные отступающие части и произвести более или менее приблизительный подсчет тем силам, которые могут быть стянуты большевиками для защиты Екатеринодара не представляется возможным. Во всяком случае Командующий Армией предписал приступить немедленно к подготовке окончательной операции против Екатеринодара. Подготовка эта начнется 13-го июля и надо пола-

гать в ближайшие дни и Екатеринодар, этот один из важнейших оплотов власти большевиков на Кубани, будет сокрушен.

4) Колонна обеспечивающая главную операцию с юга и юго-запада переправившись через реку Кубань у ст. Такшибекской быть может будет развивать наступление на Армавир если обстановка будет этому благоприятствовать.

5) Импровизированный отряд полковника Шкуро при содействии войск Добровольческой Армии занял и надо полагать окончательно г. Ставрополь, положив тем самым начало очищению от большевиков Ставропольской губернии.

Как Вы видите операция на Кубани и в Ставропольской губернии находится в полном развитии и прервать её без вреда для общего дела не представляется возможным, тем более что её окончательное завершение не потребует слишком много времени. Быть может в интересах полного обеспечения тыла часть войск прийдется употребить на восстановление порядка в Терской области прежде чем окончательно передать местным ополчениям продолжение борьбы с большевиками и уничтожение признаков их власти.

6) Но всё это задачи частного характера, обеспечивающие выполнение главной задачи. Необходимо определенно установить тот взгляд, что Добровольческая Армия не отказывается и не имеет основания уклоняться от взятия Царицина. Весь вопрос во времени приступления к этой операции в зависимости от прочного обеспечения тыла и путей сообщения. Рассматривая размеры предстоящей впереди работы, прикидывая время на переброску и сосредоточение войск мы можем предполагать, что операция против Царицына начнется войсками Добровольческой Армии через две с половиной - три недели.

Срок может быть продолжительный, но необходимый и с ним приходится считаться и согласовать соображения Донского Командования дабы операцию

эту сделать нашим общим делом, не допуская в ней никоим образом участия немцев.

Изложив Вам с полной откровенностью и положение дел в Армии, и наши общие предположения не только для Вашего сведения, но и для того, чтобы Вы взяли на себя труд изложить это Атаману, я вместе с тем считаю своим долгом от лица Добровольческой Армии просить содействия по следующим вопросам:

1) Всякое ускорение подписания договора об образовании Юго-Восточного Союза (Дон-Кавказской республики) может поставить Добробровольческую Армию безвыходное положение. Между тем как отсрочка этого акта будет отвечать интересам не только Армии и территориальных единиц, входящих в состав Союза, особенно Кубани. Вопрос этот зависит главным образом, посколько это мне известно, от Атамана Войска Донского, а потому я обращаюсь через Вас к нему с просьбой задержать подписание акта.

(Без окончания, последний лист письма утерян)

Письмо генерала **В.Никольского**
А.А.Лодыженскому
из Киева
12/25 ноября 1918 г.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Хотя первое мое к Вам письмо еще не отправлено, но в виду слишком крупных событий у меня, я решил отправить к Вам и это послание с тем же лицом (Проф. Г.А.Фальборкот).

За это время вполне определилась неудача восстания, поднятого Винниченкой и Петлюрой, но вместе с тем выявились и некоторые характерные явления: 1) восстание это было подготовлено совдепской мирной делегацией, или вернее, её главой Мануильским, который сейчас сидит в поезде где-то у ст. Гомель и ждет своего обмена на поезд украинский. 2) Восстали почти исключительно украинские полки и коши „вильнаго козачества", которые Гетман считал самыми надежными. Особенно скандальным является восстание в Киеве Сквирского пех. полка захватившего ночью полицейские участки (Подольский, Плосский и Лыбедьский), арестовавшего всех полицейских. Дальнейший скандал был прекращен немцами, которые в общем держатся пассивно, а могли бы в корне очень быстро прекратить это комическое восстание. Готовились восстание и части гетманского конвоя, к счастью, во время раскрытое, иначе скандал получился бы неописуемый. 3) Полная неподготовленность и отсутствие всякой предварительной организацион. подготовки в украинском военном министерстве. За 6 месяцев воен. мин. Рогоза ровно ничего не сделал. Это была какая-то странная опперетка: он сформировал 8 корпусных штабов, 24 дивизион. штаба и 64 полков. штабов; всюду были офицеры, которые получали весьма приличное

содержание и постепенно привыкали тунеядствовать; я уже не говорю про Начальника Генерального Штаба - юного подполковника Славинского, неизвестно, не чьей стороне у него симпатии.

4) В виду такого критического положения (Петлюровские банды оказались в 8 верст. от Киева) вся власть была вручена гр. Келеру. У него громадная энергия и неумение разбираться в людях. Пришлось обратиться исключительно к офицерам. Началось формирование офицерск. добровольч. дружины. Не успели их сформировать, как надо было уже посылать в бой; но ни носилок, ни санитарн. автомобилей, ни кухонь - ничего этого не оказалось с войсками. Первые жертвы поля битвы были предоставлены самим себе и многие раненые и оставленные на поле офицеры, предпочли пустить себе пулю в лоб, тем более, что Петлюра приказал расстрелять первых 28 офицеров, захваченных в плен. Теперь выступили на помощь и немцы: их 6 рот, 2 батареи участвуют в общем наступлении и гонят остатки банд на юг.

Келер проявляет лихорадочную деятельность по формированию армии: на днях он отрешил от должности нового Начальника Генерального Штаба и посадил его на 10 дней под арест за то, что у него идут медленно формирования.

Александр Иванович все еще в Яссах, вырваться не может из-за перерыва железнодорожного сообщения с Одессой. Жду его с большим нетерпением. Получили ли Вы его письмо? Ал. Ив. очень ждет на него ответа.

Будьте здоровы и скорей поправляйтесь совершенно. Прошу передать мой сердечный привет Марии Дмитриевне. Сердечно уважающий Вас

Вл. Никольский

П.С. Сюда едут все представители из Добровольческой Армии: Челноков, Гучков, Савин и т.д. Видно, что гражданское управ. армии попало в цепкие кадетские руки.

Письмо бывшего генерал-губернатора Иркутска и товарища миниатра внутренних дел **А.И.Пильца А.А.Лодыженскому**

Многоуважаемый Александр Александрович,

Не могу не поделиться с Вами теми грустными мыслями, которые возникают после выяснения мерзостей о нашем Депар. Полиции, переименованном в стыдливое название Граждaнс. Части Госуд. Стражи. Работать это учреждение стало очень недавно, а наделало такие дела, что и Департ. Полиции очень редко видал такое на протяжении многих лет своего существования. Осведомительный Отдел занимается провокацией и шантажем в отношении очень многих и в том числе против своего же министра и его помошника. Боясь меня, они же открыли и против меня кампанию, обвиняя в ретроградстве и т.д. Но дальше еще хуже; клевета и провокация не дали бы никаких результатов, если бы не культивировались, но нашелся лидер „Обществ. Деятелей", который находясь в постоянном общении с этими мерзавцами, ежедневно принимал и выслушивал доклады провокаторов, а их гнусную клевету передавал как истину высшему командованию, а оно, веря ему, верило и им. Нет ни способа, ни возможности разоблачить негодяев и неизвестно, что именно наклеветали. Увы, так теперь составляют мнение и оценку о деятелях. Неужели не понимают, что этим пачкают себя, отталкивают людей и наносят непоправимый вред делу, которому взялись служить. Ведь это самое худшее прежнего режима (безответственные влияния проходимцев, с этим все порядочные люди стремились бороться); как „Обществ. Круги" тогда кричали, а теперь: Имена другие, а суть та же и мотивы те

же: недоверие к ответственным лицам и желание знать „правду“ окольными, не проверенными путями – а отсюда, влияние проходимцев и процветание клеветы и интриги. Неумолимая история жестоко отметит это. Удивительно, как можно серьезно и доверчиво относиться к Г. Федорову. Все кругом говорят о нем как о пустомеле и путанике в государственных делах, ловком аферисте, наглом и двуличном человеке, который для партийных и личных целей ни перед чем не останавливается. Несмотря на такую обстановку надо теперь молчать – ради дела (воссоздания России), которое еще не окрепло и ради того, чтобы не подрывать генерала Деникина, которого так же гнусно подводят.

Тяжело и грустно, но делать нечего. Крепко жму Вашу руку. Искренне уважающий Вас

А.Пильц

Неужели в „высших сферах“ не понимают, что во внутренней политике мы быстро катимся к Керенщине, а докатившись до нее будет большой вопрос, удастся ли вернуться, чтобы спасти то дело (спасти Россию), которое блестяще созидают на фронте и своими же руками губят в тылу.

Письмо **А.И.Пильца А.А.Лодыженскому**

Дорогой Александр Александрович,

На днях вернулся Влад. Павл. Никольский. Он рассказывал мне о всех переговорах в Екатеринодаре и передал Ваше письмо. Ваша болезнь меня очень огорчает и встревожила. Надеюсь, что Вам теперь уже гораздо лучше; хорошо, что Мария Димитриевна и Димитрий Рудольфович около Вас. О себе и своих писать не буду, т.к. Вы все знаете от Влад. Павл. Поэтому перехожу к делам: Результат поездки Влад. Пав. вышел неприятный и досадный, но что же делать. Все соображения были расчитаны на то, что Вы выясните всё более или менее щепетильное, а Вл. Павл. лишь официально переговорит. Выяснив сложившуюся обстановку, может быть лучше было, ему вернуться не повидав генералов. Мне ехать в Екатер., не получив письма от Мих. Вас., не зная точно его содержания, прослышав о каком-то письме со слов других людей, точно тоже ничего не знавших, не имея сведений - не произошли ли перемены после смерти ген. Алексеева, как в общем направлении, так и в отношении меня лично, - я считал и теперь считаю для себя невозможным. Приезд мой мог, да и вероятно и поставил бы меня и генер. в очень глупое и неловкое положение.

Тем не менее по возвращении г. Никольского, обсудив положение с Алек. Вас. Крив., П. Л. Барком, С. Е. Крж., Вл. Павл. и др. все мы пришли к заключению, что если подтверждение приглашения меня в Добров. Армию можно добиться, то мне необходимо туда ехать в интересах общего дела, так как, дорогой мой, в этих

обстоятельствах только Вы и можете помочь - к Вам и обращаемся: помогите. Если бы генералы пожелали моего приезда, то приеду немедленно. Объясните им, пожалуйста, что я считаю за честь их приглашение. Не приехал раньше, боясь быть навязчивым и не обладая самомнением, что оценка всех их совпадает с отношением ко мне покойного Алексеева. Поручение г. Никольского сводилось, главным образом, к выяснению желателен ли мой приезд для г.г. Деникина и Драгомирова и не изменились ли у Вас мнения сравнительно с теми, которые Вы передавали лично мне о настроении в армии летом в Петрограде. Принести посильную помощь освобождению Россиии и при том, работая при Добров. Армии, когда идеалы её совпадают с моими, не только для меня очень желательно, но представляет, повторяю, большую честь. Это я высоко ценю. Моя семья и я шлем Вам, Марии Дмитриевне и Дмитрию Рудольфовичу наши лучшие сердечные пожелания.

Крепко обнимаю Вас, дорогой мой.
Ваш А.Пильц

П.С. С нетерпением буду ждать Вашего ответа.

Быть может, не лишне вспомнить, что в прошлых декабре и январе а вел многократные переговоры с и.д. Английского Посла М.Линдлеем, стараясь его убедить в необходимости немедленно придти на помощь России и в чатности Добров. Армии людьми и деньгами, совершенно верно, к сожалению, рисуя картину будущего положения в случае отказа. Из лиц меня знающих в Добр. Армии, которые вероятно и могли бы меня рекомендовать, можно указать на инжен. Шуберс. и генер. Тихменева и Казановича.

3 ноября 1918 г.
Киев, Святошин, Южная ул. № 52.

Докладная записка **Н.В.Савича**, б. депутата Государственной Думы, без даты.

В настоящий момент возрождающаяся на Юге государственная власть находится на распутье. До сих пор, с момента возникновения ядра Добровольческой Армии, власть руководящая всем делом национального возрождения, олицетворялась фактически и юридически в вождях Армии. Правда, с расширением территории, с осложнением задач управления, все сильнее стало сказываться влияние штатских людей. Армия столкнулась с неизбежностью выполнения целой сети гражданских задач, для выполнения которых пришлось привлечь гражданские силы. Последние не могли не внести и внесли несколько иной отпечаток на направление деятельности нарождающейся государственной власти, они принесли с собой свои верования, принципы и шаблоны управления и законодательства. Вместе с ними проникли политика и политиканство. Ибо там, где приходится творить государственность, необходимо проводить в жизнь какую-то политику, на кого-то опираться, с кем-то быть в союзе. А выбор союзников определяет уже и направление политики, если она хочет быть жизненной, а её творцы последовательными. Ныне задача предстоящей власти бесконечно сложна. Перед нами незаконченная, находящаяся в полном разгаре, борьба с большевизмом. В ближайшее время неизбежна борьба с революционным социализмом вообще. Для борьбы этой нужно содружество с властью по возможности всех антисоциалистических сил. Нужно согласие в лагере союзников власти, а не междуусобная борьба среди них. Нужно смягчение антагонизма, а не расстравливание социаль-

ных и классовых противоречий. Нужен гражданский мир антисоциалистической России. До сих пор этого счастливо удалось достичь благодаря милитаризации власти. К ней, к участию в государственном строительстве, привлекались и раньше гражданские элементы, но флаг власти был военно-беспартийный. Население знало, что главными и ближайшими помошниками и сотрудниками Главного Командования были военные люди. Они, эти военные по профессии, могли склоняться на сторону той или иной партии, верить тем или иным советникам, по необходимости партийным, но сами они в глазах массы населения и главное во мнении Армии оставались только военными, беспристрастными, беспартийными вождями. И какой бы уклон не принимало общее направление политики, как бы тяжело не нажимали мероприятия на интересы определенных классов, у массы населения и особенно у обойденных, было убеждение, что делается это по необходимости, а не ради торжества классовых или партийных интересов. Сейчас интересы партийные почти совпадают в общем с интересами классов и крупных сил населения. Это делает другие классы особенно чувствительными ко всякой перемене курса политики Правительства. При таком положении представляется крайне важным и просто необходимым, чтобы раз взятый командованием курс - милитаризация власти - был выдержан до конца. Правительство может и должно выбирать ту или иную политическую программу, должно в государственном строительстве преследовать строго обдуманный, согласованный с реальной действительностью план, но оно не должно, не может поднимать ярко выраженный партийный флаг. Между тем, при предстоящей реконструкции власти, особа Председателя Совета Начальников Управлений выдвигается ярко на первый план. Конечно, по существу, вся реальная власть по прежнему останется в руках Главнокомандующего, но для публики, для широких масс, личность Председателя Совета

Управляющих будет тем флагом, который будет поднят политикой Правительства. Если это будет штатский человек, он непременно будет склоняться в ту или иную сторону, его политическая физиономия станет всем ясной. А тогда в сознании общества и Армии Правительство перестанет быть беспартийным, какой бы состав оно не имело. Ведь сейчас буржуазное общество, т.е. вся антисоциалистическая часть народа, резко делится по своей психологии на две части. Выразительницей первой части является партия КД или национального центра, как её сейчас именуют. Всё же, что правее, что имеет психологию деревенскую, пока не объединено. Но течение такое есть и крепнет и выборы в Городские Думы показали рост этого течения, дав относительную победу союзам домовладельцев под беспартийным флагом которых спрятались элементы правее кадет. То же расслоение наблюдается в офицерской среде. Напрасно было бы говорить, что Армия должна быть беспартийной. Этого сейчас нет и быть не может. В государстве устроенном, при борьбе с внешним врагом, можно требовать и ждать, что армия будет беспартийной, но в эпоху гражданской войны, армия прежде всего - сторона. Она - армия, первая подняла оружие за такое устройство государства, которое должно, по её мнению, обеспечить стране мир и благополучие. Гражданская война по уществу - есть острая партийная борьба с оружием в руках. Армия, борющаяся за свои политические идеалы, жертвуя кровью и жизнью ради достижения торжества такого уклада жизни, который ей кажется наилучшим, уже не беспартийная, она уже сторона, она уже вовлечена в политику. Правда, будущие идеалы набросаны в общих чертах и благодаря этому, бок о бок могут идти и вместе сражаться с общим врагом, элементы по существу значительно разномыслящие. Это разномыслие не следует подчеркивать, антагонизм, пока спящий под пеплом, нельзя раздувать. Это будет сделано, если с Правительства будет снят флаг беспартийности, когда

главой его станет не военный, а гражданское лицо, неизбежно партийное. Если эта ошибка будет сделана, если главой правительства станет штатский человек, будь то правый или левый - безразлично, нынешнему относительному гражданскому миру в антисоциалистическом лагере, настанет конец. Что бы не сделала тогда власть, какую меру бы она не провела, она не избавится от упреков и подозрений, что проведенная мера продиктована партийными, классовыми интересами. А так как по необходимости курс государственной политики пролегает где-то далеко левее политических идеалов и социальных интересов значительного числа антисоциалистического буржуазного лагеря и особенно офицерского кадра, то такое подчеркивание этого, теперь скрытого и затушеванного антагонизма, может стать опасным. Нельзя забывать, что оружие в руках у людей, интересы коих могут идти в разрез с программными требованиями и трафаретами той группировки, к которой общественное мнение приписывает личность Председателя Совета Управляющих. И вызывая излишнее в их рядах раздражение, мы ослабляем порыв и стремление к самопожертвованию, главному оружию, которым была крепка наша армия. Тем же самым мы внесем значительное оживление в партийную борьбу штатских, усилим в них стремление к политиканству. Одним словом, поднять над Правительством партийный флаг - а это неизбежно раз премьер будет штатским - было бы сейчас непростительной ошибкой. Она положила бы начало постепенного охлаждения к власти части общества и Армии, стала бы источником хронического разлада и междуусобиц. В силу этих соображений, а считаю своим долгом довести до сведения Вашего Превосходительства, что единственным выходом из создавшегося положения, считаю назначение военного человека на пост Председателя Совета Начальников Управлений.

(Записка подана генералу Деникину)

Записка, поданная вр. представителем Добровольческой Армии в Москве **А.А.Лодыженским** французскому посланнику **Кулансу** 14 июля 1918 г.

По впечатлениям моим в Ставке Верховного Главнокомандующего и в последующее время, союзные с нами Правительства и их представители в России, колебались иногда в принятии известных решений по вопросам общеполитическим, как в отношении России в целом, так и в отношении отдельных групп политического характера, из-за неосведомленности о настроениях широких слоев нашего населения. Иногда Правительствами этими принимались такие решения, которые совершеннио не соответствовали нашему внутреннему настроению, а также интересам того общего дела, которому мы, защитники Российской государственности теперь служим и будем служить, смею надеяться, вместе с нашими союзниками, впредь

Наша цель сокушить общего врага – Германию, остается неизменной и надо полагать, что таково же решение держав согласия, чего бы это ни стоило. Временные бедствия от войны окупятся в случае конечного успеха, впоследствии. России эта война обошлась уже очень дорого, но тем не менее мы не опускаем рук и для спасения России от экономического германского рабства готовы принести в жертву наши классовые интересы. Но в то время, как Германия великолепно осведомленная о наших настроениях принимает соответствующие меры в свою пользу, некоторые иностранные круги нас только обвиняют, совершенно не учитывая той обстановки, в которой нам приходится работать, и не разбираясь по адресу кого собственно эти обвинения должны идти и предъявляют их всей России в целом.

Постараюсь объяснить настроение страны нашей в настоящее время. Россия от борьбы с Германией не отказалась, так как население относится к ней по-прежнему враждебно. Мир заключила не Россия, а германские агенты и временно увлекли за собой темные массы. Теперь этот обман начинает рассеиваться и скоро народ пойдет опять за нами. Социалистические опыты, проделанные над народом, в достаточной мере всем надоели. Народ испытывает жажду настоящей власти и власть комиссаров поддерживается только штыками нескольких тысяч латышей и матросов-бандитов.

Россия, по составу своего населения, представляет две резко отграниченные части: аристократия, буржуа, интеллигенция, с одной стороны, народ - с другой.- Между этими двумя частями пропасть, которую ловко использовали германцы, заполнив пустоту своими наемниками - руководителями большевистского движения. Надо понимать, что русские народные массы, благодаря своей темноте, не могут руководить своими политическими переживаниями на основании логических выводов, построенных на исторических задачах государства, и народ, приученный следовать указаниям власти или собственным, почти животным инстинктам, нашел в современном правительстве и то и другое. Эти германские наемники, пользуясь демагогическими приемами, действуют и руководят массами сообразно германским интересам, а массы не отдают себе в этом отчета, рты же интеллигенции плотно зажаты. Российская интеллигенция, в широком смысле этого слова, по моим наблюдениям в самых различных кругах, не имеет - теперь тем более - намерения связать свою судьбу с судьбой Германии, вполне отдавая себе отчет в перспективах экономического рабства и грядущего обнищания. Германия никогда не была другом России и теперь, тем более, не может им стать. Это сознается всеми даже правыми элементами, мечтавшими в свое время, после 1905 г. укрепить при посредничестве союза с Германией могущество России и её монархи-

ческий строй. Теперь ни честь России, ни экономические её интересы этого союза не позволяют. Борьба должна быть доведена до конца всеми доступными средствами – таков лозунг всей российской интеллигенции, таков будет лозунг народа, медленно оправляющегося ныне от помешательства под влиянием германской агитации. Русская интеллигенция, отброшенная в настоящее время штыком от возможности руководить политической жизнью страны, не оставит борьбу с Германией, получив уверенность, что отношения союзников остаются неизменными к России в её целом и вполне искренними, и что наше отечество, временно обессиленное четырехлетней войной и революцией, не станет в ближайшем будущем, до своего уже близкого возрождения и до возможнисти вновь продолжать борьбу с Германией, предметом растерзания на всеобщем мирном конгрессе.

Расхождение среди отдельных политических партий – лишь в способах борьбы. Россия имеет сейчас столько врагов, что при неорганизованности сил, одновременная борьба со всеми врагами сразу невозможна. Первый и самый опасный враг – германцы, выставили своим авангардом большевиков. Этот второй враг должен быть разбит с самого начала, так как иначе борьба с германцами, а главное, с третьим врагом – голодом, невозможна. И вот тут начинается ряд колебаний в выборе исходных точек борьбы, так как прямого пути не усматривается. Большевиков поддерживает Германия, а при этом факторе те малые русские силы, которые имеются, не могут самостоятельно свергнуть большевиков и восстановить в стране порядок.

С другой стороны, необходимо также помнить, что Россия по общему культурному уровню не доросла еще до возможности осуществления республиканского государственного устройства и дальнейший переход, по признанию всех авторитетов, может быть только к единоличному образу правления. Народные массы воспри-

нимают только крайности, благодаря своей темноте, и такой переход от большевизма является вполне естественным. Ныне германцы, считаясь с этим настроением, уже соблазняют перспективами свержения большевизма при их помощи и восстановления в России монархии. Было бы ошибочно, однако, в противовес германским подходам, выставлять идею российского республиканского государственного устройства, так как эта идея достаточно скомпрометирована за революционный период и за этой идеей никто не пойдет. Большевизм - явление стихийное. Возродить Россию может только такое же явление, способное увлечь массы. Нечто среднее, более продуманное и умеренное, наше отечество еще неспособно установить у себя. Добровольческая Армия, вполне отдавая себе отчет в этом, не предрешает, однако в своих декларациях будущего государственного устройства и защищает идею создания в стране таких условий, при которых возможен был бы созыв нового учредительного собрания на других выборных основаниях, так как не считает возможным выставлять, считаясь с настроением, которое стало известным, лозунг единоличного управления государством, не называя имени кандидата, дабы на этой почве не произвести раскол. Будущий монарх должен сам своими действиями в качестве простого смертного, по возрождении России, заслужить себе народную популярность, а Добровольческая Армия ему всеми мерами в этом поможет и сама, быть может, в нужную минуту, поднимет его на щит. К сожалению, однако до сего времени ни один представитель царственной крови не обнаружил себя на этом поприще, а кандидатура лица простого происхождения, сочувствия не встречает.

В заключение настоящей записки, нахожу необходимым отметить:

1) Россия готова к свержению большевизма, как в городах, так и в сельских местностях, лишь бы переворот был бы совершен в Москве. Народ готов к восприя-

тию единоличного управления, хотя бы на первое время совершенно неограниченного.

2) Всё расположение как народа, так и интеллигенции на стороне Держав Согласия и полная готовность продолжать войну против Германии, как только будет сброшено иго большевизма.

3) Свержение большевизма Германией, обещание воссоединить Россию, пересмотреть брестский договор и невмешательство с её стороны в создание русской независимой власти с будущими монархическими перспективами, сильно поколеблет решимость, на которую указывалось в п. 2, не принимающих непосредственного участия в политической жизни страны, широких слоев русского общества, офицерского состава, измученного революцией и народных масс. Руководители борьбы против Германии в России, в том числе командный состав Добровольческой Армии, будут поставлены в тяжелое положение отсутствием притока свежих сил и пассивным или даже отрицательным отношением русского общества к этой борьбе, тем более, что Америка в настоящее время, пытается опереться в организации борьбы с Германией на русской территории, на социалистические круги, не встречающие никакого сочувствия ни среди народа, ни среди интеллигенции, после печальных опытов революции.

„Утверждаю“
Генерал от Инфантерии Алексеев.
г. Екатеринодар
18 Августа 1918 г.

ПРОЕКТ
Приложение к приказу Верховного Руководителя Добровольческой Армии.
2о Августа 1918 года. № 1

СЕКРЕТНО
Экз. № 14

ПОЛОЖЕНИЕ
об ОСОБОМ СОВЕЩАНИИ при Верховном Руководителе Добровольческой Армии.

1. Особое Совещание имеет целью: а) разработку всех вопросов, связанных с восстановлением органов Государственного управления и Самоуправления в местностях, на которые распространяется власть и влияние Добровольческой армии. б) Обсуждение и подготовку временных законопроектов по всем отраслям Государственного устройства, как местного значения по управлению областями, вошедшими в сферу влияния Добровольческой армии, так и в широком Государственном масштабе по воссозданию Великодержавной России в прежних ее пределах. в) Организацию сношений со всеми областями бывшей Российской Империи для выяснения истинного положения дел в них и для связи с их правительствами и политическими партиями для совместной работы по восстановлению Великодержавной России. г) Организацию отношений с представителями держав согласия, бывших в союзе с нами, и выработку планов совместных действий в

9

ПРОЕКТЪ.

„Утверждаю"
Генералъ отъ Инфантеріи *Алексѣевъ*.
г. Екатеринодаръ.
18 Августа 1918 г.

Приложеніе къ приказу Верховнаго Руководителя Добровольческой Арміи.
20 августа 1918 года. № 1.

СЕКРЕТНО.

Экз. № 14

ПОЛОЖЕНІЕ

объ ОСОБОМЪ СОВѢЩАНІИ при Верховномъ Руководителѣ Добровольческой Арміи.

1. Особое Совѣщанье имѣетъ цѣлью: а) разработку всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ возстановленіемъ органовъ Государственнаго управленія и Самоуправленія въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется власть и вліяніе Добровольческой арміи. б) Обсужденіе и подготовку временныхъ законопроектовъ по всѣмъ отраслямъ Государственнаго устройства, какъ мѣстнаго значенія, по управленію областями, вошедшими въ сферу вліянія Добровольческой арміи, такъ и въ широкомъ Государственномъ масштабѣ по возсозданію Великодержавной Россіи въ прежнихъ ея предѣлахъ. в) Организацію сношеній со всѣми областями бывшей Россійской Имперіи для выясненія истиннаго положенія дѣлъ въ нихъ и для связи съ ихъ правительствами и политическими партіями для совмѣстной работы по возстановленію Великодержавной Россіи. г) Организацію сношеній съ представителями державъ согласія, бывшихъ въ союзѣ съ нами, и выработку плановъ совмѣстныхъ дѣйствій въ борьбѣ противъ коалиціи центральныхъ державъ. д) Выясненіе мѣстонахожденія и установленіе тѣсной связи со всѣми выдающимися государственными дѣятелями по всѣмъ отраслямъ Государственнаго управленія, а также съ наиболѣе видными представителями Общественнаго и Земскаго самоуправленія, торговли, промышленности и финансовъ, для привлеченія ихъ въ нужную минуту къ самому широкому государственному строительству. е) Привлеченіе лицъ упомянутыхъ въ п. д къ разрѣшенію текущихъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью.

2) Особое совѣщаніе состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

~~Государственнаго устройства~~

Внутреннихъ дѣлъ

борьбе против коалиции центральных держав. д) Выяснение местонахождения и установление тесной связи со всеми выдающимися государственными деятелями по всем отраслям Государственного управления, а также с наиболее видными представителями Общественного и Земского самоуправления, торговли, промышленности и финансов, для привлечения их в нужную минуту к самому широкому государственному

строительству, е) Привлечение лиц, упомянутых в п. д к разрешению текущих вопросов, выдвигаемых жизнью.

2. Особое Совещание состоит из следующих отделов:

Государственного устройства

Внутренних дел

Дипломатическо-агитационного

Финансового

Торговли и промышленности

Продовольствия и снабжения

Земледелия

Путей сообщения

Юстиции

Народного просвещения

Контроль

3. Во главе каждого отдела стоит управляющий отделом и два его помошника

4. При Особом Совещании состоит Управляющий делами Особого Совещания и при нем канцелярия с осведомительным бюро.

5. Председателем Особого Совещания состоит Верховный Руководитель Добровольческой Армии Генерал-от-Инфантерии АЛЕКСЕЕВ. Его заместители в порядке постепенности: первый командующий Армией Генерал-Лейтенант ДЕНИКИН, второй - Помошник Верховного Руководителя Генерал-от-Кавалерии ДРАГОМИРОВ, третий Помошник Командующего Армией Генерал-Лейтенант ЛУКОМСКИЙ.

6. Постоянными членами Особого Совещания состоят: Командующий Армией Генерал-Лейтенант ДЕНИКИН, Помошник Верховного Руководителя Генерал-от-Кавалерии ДРАГОМИРОВ, Помошник Командующего Армией Генерал-Лейтенант ЛУКОМСКИЙ, Начальник Штаба Армии Генерал-Майор РОМАНОВСКИЙ и все Управляющие Отделами и Управляющий делами Особого Совещания.

7. Кроме постоянных членов для разрешения специальных вопросов, могут быть приглашаемы посто-

ронние лица, с особого, каждый раз, разрешения Председателя.

8. Управляющий делами Особого Совещания, Управляющие Отделами и их помошники избираются Верховным Руководителем Добровольческой Армии и назначаются его приказом.

9. Состав канцелярии Особого Совещания и каждого отдела определяется штатами и утверждается Верховным Руководителем.

10. Личный состав канцелярии и отделов избирается Управляющим делами Особого Совещания и Управляющими отделами, по принадлежности, и утверждаются приказом Верховного Руководителя.

11. Внутренний порядок и распределение работ в канцелярии и в отделах определяется их начальниками.

12. Управляющие Отделами пользуются правом личного доклада у Верховного Руководителя и у Командующего Армией и им же принадлежит право законодательной инициативы по вопросам своего ведомства. Составленные ими законопроекты, с разрешения Председателя, вносятся на рассмотрение Особого Совещания.

13. Заседания Особого Совещания назначаются Председателем, а в случае его отсутствия или болезни – его заместителем.

14. Заседания Особого Совещания разделяются на „большие" и „малые" заседания.

15. „Большие" заседания Особого Совещания назначаются для разрешения наиболее серьезных вопросов Общегосударственного значения и для рассмотрения сложных законопроектов, затрагивающих интересы нескольких ведомств. Председательствует лично Верховный Руководитель.

16. „Малые" заседания назначаются для разрешения в спешном порядке не терпящих отлагательства вопросов текущей жизни, связанных с установлением гражданского правопорядка в местностях занятых Добровольческой Армией. „Малые" заседания созываются по ини-

циативе Командующего Армией Генерал-Лейтенанта ДЕНИКИНА и происходят под его Председательством. Членами „малого“ заседания состоят: Помошник Командующего Армией - Г.Л.ЛУКОМСКИЙ, Начальник Штаба Армии - Г.М.РОМАНОВСКИЙ и управляющие теми отделами, коих признает необходимым пригласить Председатель.

17. О решениях принятых на „малых“ заседаниях Управляющие отделами докладывают на ближайшем „большом“ заседании.

18. Заседания, как „малые“, так и „большие“ имеют исключительно совещательный характер и принятые на них решения не обязательны для Верховного Руководителя, или для Командующего Армией, кои могут принять и самостоятельное решение и дать ему силу закона.

С подлинным верно:

И.д. Начальника Военно-Политического Отдела Генерального Штаба

Капитан ФЕДОРОВ

Командующий
Добровольч. Армией
20 июля 1918 г.
№ 369
Х. Тихорецкий.

М.В. Алексееву, Генералу-от-инфантерии
Милостивый Государь,
Михаил Васильевич.

Последние два месяца Добровольческая Армия увеличилась в своем составе по крайней мере в 10 раз. Для удобства управления таким крупным соединением является насущная потребность. восстановить штаты, по которым могли бы формироваться части, штабы и учреждения. В мае, в бытность Армии в районе Мечетинской Штабом были представлены Вашему Высокопревосходительству на утверждение штаты:

УПРАВЛЕНИЯ АРМИИ, КОМЕНДАНТСКОГО УПРАВЛЕНИЯ, КОНВОЯ ПРИ КОМАНДУЮЩЕМ, ТЕХНИЧЕСКОЙ И КОННОЙ КОМАНД СВЯЗИ, РАДИО-СТАНЦИИ, ИНСПЕКТОРА АРТИЛЛЕРИИ, КОРПУСНОГО СУДА И БРОНЕВОГО ДИВИЗИОНА.

Так как части эти фактически уже давно существуют, как необходимые органы Армии, то мною было разрешено пользоваться еще не утвержденными Вами временными штатами. Но в виду задержки утверждения их Вами, приходится встречаться с некоторыми шероховатостями в деле снабжения: кредиты не разрешаются и миогие офицеры и солдаты не получают никаких денежных отпусков, хотя фактически они прослужили в рядах Армии уже несколько месяцев.

Чтобы дать возможность Отделу Снабжения производить законные отпуски, прошу Ваше Высокопревосходительство не отказать в рассмотрении представленных Вам штатов, в утверждении их и в скорейшем продвижении представляемых Вам на утверждение штатов.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности

А.Деникин

Главнокомандующий
Русской Армией
15 марта 1922 г.
№ 579/с
г. Белград.
Российское Посольство.

Его Прев-ству
А.А.Лодыженскому.

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Получил Ваше письмо. Сердечно благодарю Вас за внимание и те интересные сведения, которыми Вы со мной поделились.

Завтра я уезжаю в Карловцы, где пробуду дней десять, а затем уеду на месяц в Болгарию осматривать расположенные там части Армии.

Если по возвращении моем в Карловцы Вам случится быть неподалеку, я буду очень рад повидать Вас и побеседовать лично.

Примите уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности

П.Врангель

Письмо ген. **А.Кутепова А.А.Лодыженскому**
1/XI/22 г. г. Белград

Глубокоуважаемый Александр Александрович,

после моей поездки я окончательно убедился, что работать на наше общее дело можно, и если не сидеть сложа руки, то результаты будут огромные.

В Париже я видел ген. Сталя и Л.Н. Кн. Оболенского, из разговоров с ними выяснил, что ВКНН уже не ждет того момента, когда к нему обратится весь русский народ, а готов встать во главе **национального** движения, когда к нему обратятся: национальн. комитеты, парлам. комитеты, промышленные круги и монархисты.

После этих новых данных я решил переговорить со всеми этими организациями. После всех многочисленных разговоров я пришел к заключению, что все эти организации, каждая самостоятельно, обратятся к ВКНН, после чего можно организовать при ВКНН совет старшин, через которых ВК и будет сносится с эмиграцией.

Теперь я, приехав сюда, принимаю все меры, чтобы П.Н. немедленно командировал Ген. Мил. с кем-нибудь к ВКНН, чтобы уговорить его принять представителей организаций, хотя бы секретно; затем надо поехать в Париж, где организовать это паломничество.

Сейчас почти во всех иностранных государствах растет сознание, что с сов. властью иметь дело нельзя, поэтому они начинают искать антибольшевистскую организацию, но, к великому нашему стыду, такой найти не могут. Мне рассказывал Карташев, что к нему обращались французы, которые его спрашивали,

почему ВКНН до сих пор не выступил, если бы он это сделал, то встретил бы поддержку во всех фр. кругах, признающих только Вел. Россию.

Для меня ясно, что наступил момент создания сильной и авторитетной организации. Конечно, ВКНН не надо издавать никаких манифестов, а хотя бы ограничиться интервью во фр. газетах; французы обещали это устроить.

Необходимо, чтобы ВКНН постепенно встал во главе национал. дела, а то монархисты и ВККВ могут многое испортить. Вчера написал об этом Оболенскому.

После разговоров с ВКНН необходимо поехать к ВККВ. Он ко мне присылал для переговоров, я ему ответил вполне определенно.

К сожалению, я многого писать не могу, если будете здесь, подробно поговорим. Очень тороплюсь, поэтому извиняюсь за неаккуратность.

Ваш А.Кутепов

Письмо ген. **А.Кутепова А.А.Лодыженскому**

12/IV/23 г., г. Белград

Христос Воскресе!
Глубокоуважаемый Александр Александрович!
Поздравляю Вас с праздником.

За время последней поездки побывал два раза у ВКНН, который стал гораздо уступчивее. В Париже среди нашей общественности нашел большой сдвиг. Среди иностранцев почти полное разочарование в большевиках, поэтому на многое начинают смотреть нашими глазами. Конечно, все это необходимо использовать.

Меры для этого теперь начинают принимать и отсюда.

Надеюсь, когда приедете сюда, то уже многое выяснится; но задержка может произойти, если ВКНН отложит свой переезд из Ан. под Париж. Когда увидимся, то переговорим о многом.

Искренне уважающий Вас

А.Кутепов

Письмо бывш. Нач. Штаба Верховного Главнокомандующего Добровольческой Армии ген. **А.Лукомского**
А.А.Лодыженскому
6/IX/22

Глубокоуважаемый Александр Александрович!

Я уже более месяца в Сербии (был в Белграде, а теперь сижу у гр. Гейдена в Кадетском корпусе) и Ваше письмо от 2О авг. получил вчера.

Письмо Оболенскому посылаю сегодна в Ниццу вместе с этим письмом. (Адрес Оболенского: St.Lourent da Var, v. Marie, Alp. Mar., France).

Работа в составе политических партий, конечно, противна и я, приехав в 1921 г. во Францию, первоначально решил уклониться от активной работы в местной монарх. организации. Но затем, силою обстоятельств, был втянут в работу. Мы образовали небольшое ядро (в состав входит и Н.Л.Оболенский), которое задалось целью направить работу монархистов по правильному пути и добиться отказа от узкопартийной работы одними словами. Мы выдвогаем лозунг – „Прежде всего Россия, которой нужен Царь“, а не „Прежде всего Царь, к которому прилагается Россия“.

Наша работа давала некоторые положительные результаты. Мы добились:

1) Весной 1922 г. отказа Кир. Вл. от решения выступить и стать во главе монархич. движения.

2) Отказа В. Мон. Сов. (работа велась совместно с Парижскими организациями) от своей непримиримой первоначальной политики.

3) Признания главнейшими монархическими организациями, что для возрождения в будущем России нельзя все основывать на монархич. организациях, а надо добиться объединения с другими партиями (по нашему проекту – до правых кадетов включительно) и всякими организациями (торгово-пром., финансовыми и проч.)

В признании того, что только один Ник. Ник. является лицом, которое может объединить белую и красную Россию, мы сыграли немалую роль. Казалось, что всё налаживалось более или менее благополучно и я перебрался в Сербию.

Здесь неожиданно для меня, также как и для всех вас, узнал о выступлении Кир. Вл.

Полученные мною письма из Парижа и Ниццы дают основание считать, что это дикое и беспочвенное выступление явилось следствием двух причин:

1) Ожидание, что Ник. Ник. может стать во главе национального движения и что тогда К.В. не сыграет никакой роли и, как лично очень непопулярный, потеряет надежду попасть на престол, и

2) Убеждение кн. Галицына-Муравлина, что „Манифесты“ будут восприняты армией, эмиграцией и русским народом с ликованием и восторгом.

Есть основание считать, что это выступление находится также в связи с обещанием дать К.В. денег: богатая американка, вышедшая замуж за принца Греческого Христофора, затевает крепко способствовать восстановлению трона и еще весной этого года обещала К.В., в случае его выступления, дать десять миллионов долларов. А ведь на эти деньги можно устроиться хорошо, образовать настоящий двор и привлечь не мелкую какую-нибудь шешуру, а настоящих сановников!

Это выступление конечно внесет раскол в монархич. среду и похоронит подготовлявшееся „объединение“. Ник. Ник. никогда на призыв К.В. не откликнется.

Колеблющихся и держащих нос по ветру (да и таких, которые думают: „А вдруг Киррил попадет на престол“) К.В. привлечет довольно много.

Теперь все зависит от того, сумеют ли благоразумные люди заставить К.В. самого ликвидировать свое глупое выступление или нет. Если не удастся, то будет плохо.

Как живете? К 1 октября переезжаю в Белград. Жена и я шлем сердечный привет Марии Дмитриевне и Вам.

Ваш А.Лукомский

Письмо ген. **А.Лукомского А.А.Лодыженскому**

4/IV.23 г.

Дорогой Александр Александрович!
Христос Воскресе!

Жена и я шлем Марии Дмитриевне и Вам наш сердечный привет, эпоздравления с наступающими праздниками и пожелания всего лучшего

Белград немногим отличается от Вашего медвежьего угла и, кроме того, я, совершенно отстранившись от всякой „политической деятельности“, сижу смирно на Тангедерском Брдо и ничего не знаю.

Поэтому могу с Вами поделиться только моими личными предположениями.

Расчитывать **на скорую самостоятельную** эволюцию советской власти нет никаких оснований.

Расчитывать на внутренний переворот в России, также нет никакой надежды.

Расчитывать при современной обстановке на иностранную интервенцию, также не приходится.

Эти данные дают, как будто, более чем печальные основания для еще более печальных выводов.

Но есть один фактор, который может сильно изменить течение событий. Фактор этот – Германия.

Германия, припертая к стенке Версальским договором, естественно должна была поддерживать советскую власть, готовить в России себе базу и все, что надо для армии и при помощи тех же большевиков, создавать осложнения для Франции и Англии в Малой Азии, на своих восточных границах и пр.

После занятия Рура Францией, пассивное сопротивление Германии было основано, в значительной сте-

пени, на надежде создать в других районах крупные осложнения для Франции и Англии и на надежде толкнуть Совдепию выступить активно.

Повидимому эти расчеты не оправдываются; кроме того Германия должна скоро разочароваться в возможности что-либо серьезное создать в советской России. Она, вероятно, уже теперь чувствует, что Совдепия не даст того, на что она расчитывала. Франция же не даст возможности долго ждать и зажмет Германию в такие тиски, которые грозят полным для Германии экономическим крахом.

Думаю, что все это скоро будет осознано в Германии и она капитулирует перед Францией.

Если же это случится, то Германия, дабы иметь возможность выполнять свои обязательства, **должна будет** принять все меры для ликвидации советской власти и создания в России таких условий, при которых оттуда начался бы приток всего нужного для Германии для обеспечения ей расплаты с Фр., Англ. и др.

Конечно, ей одной этого не позволят сделать, но тогда договорятся.

Конечно, мы (т.е. Россия) попадем в кабалу к Западу, но правовой порядок будет восстановлен.

Вот мое мнение.

Пока же всего лучшего. Цекую ручки Марии Дмитриевне.

Ваш А.Лукомский

Документ, служивший А.А.Лодыженскому для передвижений в бытность его нелегальным представителем Добровольческой Армии при иностранных миссиях в Москве.

Российск. [illegible] Совет. Республика.

Н. К. по [illegible]
Всеросс. Главный Штабъ.

Управление Военныхъ Сообщений
Отдѣлъ второй
Отдѣление девятое
5 Iюля 1918
№ 2747

Б. Никитская, 11
Телефонъ 93-74

Воѣмъ З, ЗК, КОМИССАРАМЪ и ЛН

(8)

Бирилев - это я А.Л.

Прошу оказывать содѣйствіе къ безпрепятственному проѣзду изъ МОСКВЫ въ ПЕТРОГРАДЪ и ОБРАТНО командированному въ эти города по дѣламъ службы Завѣдывающему хозяйственной частью передового отряда Россійскаго Общества Краснаго Креста по борьбѣ съ чумной эпидеміей на Кавказскомъ фронтѣ ВИРИЛЕВУ.

Вр.и.д. Начальника Управленія Военныхъ Сообщеній [подпись]

И.д. Начальника 9-го Отдѣленія [подпись]

Удостоверение, служившее мне для передвижений и [illegible], будучи командирован [illegible] Добровольческой армии. А. Лодыженский

Прошу оказывать содействие к беспрепятственному проезду из Москвы в Петроград и обратно командированному в эти города по делам службы заведывающему хозяйственной частью передового отряда Российского Общества Красного Креста по борьбе с чумной эпидемией на Кавказском Фронте Бирилеву.

Вр. и.о. Начальника Управления
Военных Сообщений - подпись

И.д. Начальника 9-го Отделения - подпись

А. А. ЛОДЫЖЕНСКИЙ

Александр Александрович Лодыженский родился 13 апреля 1886 г. в имении Уварово Зубцовского уезда Тверской губернии. По окончании Императорского Училища Правоведения и отбытия воинской повинности в качестве вольноопределяющегося, с мая 1910 г. он находился на службе в Государственной Канцелярии в должности делопроизводителя. 25 сентября 1914 г. по возвращении с Восточнопрусского фронта, командирован в распоряжение Верховного Главнокомандующего. Приказом начальника Штаба Верховного Главнокомандующего от 25.5.1915 г. назначен и.о. начальника Канцелярии по делам гражданского управления, а приказом Государя Императора Николая II от 25.9.1915 назначен начальником этой Канцелярии. От должности уволен 10.9.1917 г. приказом Керенского в связи с обвинением в участии в выступлении генерала Корнилова. С декабря 1917 г. начальник отделов внутренних и иностранных дел Политического Управления Добровольческой Армии. В начале 1918 г. был негласным представителем Добровольческой Армии в Москве, где поддерживал связь с дипломатическими представителями Антанты. С октября 1918 г. помошник Управляющего Делами Особого Совещания Добровольческой Армии. Приказом генерала Врангеля от 20.5.1920 г. назначен губернатором Таврической губернии. На этом посту пробыл до эвакуации Крыма. Награжден отечественными и иностранными орденами. Находясь в эмиграции А.А.Лодыженский активно защищал честь национальной России, её историю, культуру, науку и искусство. С 1923 г. деятельно сотрудничал в зарубежных российских организациях в Европе и США, главным образом, во Франции. Умер А.А.Лодыженский в Париже 4 августа 1976 г., как и родился, русским патриотом.